

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО НА ВОСТОКЕ

Выпуск IV

2020

*The periodical of the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences*

**RELIGION AND SOCIETY
IN THE EAST**

Issue IV
2020

Editor-in-Chief
Aleksei V. Sarabiev

ISSN 2542-1530

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО НА ВОСТОКЕ

Выпуск IV
2020

ISSN 2542-1530

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук

Религия и общество на Востоке. Выпуск IV (2020)

ISSN 2542-1530

ISBN 978-5-89282-943-4

DOI 10.31696/2542-1530-2020-4

Издание индексируется в РИНЦ

Интернет-сайт: <http://religion.ivran.ru>

Адрес редакции «Религия и общество на Востоке»:
107031 Москва, ул. Рождественка, 12, каб. 125

Первостепенным принципом отбора материалов является их научность.

Содержащиеся в статьях идеи и выводы могут не отражать мнения редакции
и редколлегии.

Научное периодическое издание
Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

Подписано 21.03.2020. Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 19. Уч.-изд. л. 13,5. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ПАО «Т8»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5.

© А.В. Сарабьев, 2020
© ФГБУН ИВ РАН, 2020

«Религия и общество на Востоке»
Периодическое издание. ISSN 2542–1530

Выходит раз в год

Главный редактор

САРАБЬЕВ Алексей Викторович
к. и. н. (Москва, ИВ РАН)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

АЛИКБЕРОВ Аликбер Калабекович
к. и. н., заместитель директора (Москва, ИВ РАН)

ВОЛОДИН Андрей Геннадьевич
д. и. н., профессор (Москва, ИМЭМО РАН)

ГАВРИЛОВ Сергей Анатольевич
председатель Комитета по развитию гражданского общества,
вопросам общественных и религиозных объединений Госдумы РФ

ДРУГОВ Алексей Юрьевич
д. полит. н., профессор (Москва, ИВ РАН)

КОБЗЕВ Артем Игоревич
д. филос. н., профессор (Москва, ИВ РАН, МФТИ(ГУ), РГГУ)

НАУМКИН Виталий Вячеславович
академик РАН, д. и. н., профессор (Москва, ИВ РАН,
МГУ им. М. В. Ломоносова, ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН)

ОРЛОВ Владимир Викторович
д. и. н., профессор (Москва, ИВ РАН, ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова)

САУТОВ Владимир Нилович
к. и. н., заместитель директора по развитию (Москва, ИВ РАН)
Вице-президент по маркетингу и внешним связям Корпорации "Иркут"

ФОМИН Олег Иванович
к. и. н., президент Фонда «РУССАР» (Москва, ИППО)

ШУВАЛОВ Константин Викторович
Чрезвычайный и Полномочный посол (МИД РФ)

ЯКОВЛЕВ Александр Иванович
д. и. н., профессор (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, ИВ РАН)

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ, или О взаимосвязи религиозной политики и религии

- 10 -

ПОЛИТИКА И ЦЕРКОВЬ

Александр ЯКОВЛЕВ

Кризис в отношениях между Константинопольским и Московским патриархатами в контексте мировой политики XX–XXI веков

- 26 -

Алексей САРАБЬЕВ

Российское влияние на ближневосточные церковные дела: 120 лет тому назад

- 67 -

ОТ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ
К РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКЕ

Григорий КОСАЧ

«Исламская» дипломатия России: Организация исламского сотрудничества

- 96 -

Игорь СЛЕДЗЕВСКИЙ

Борьба за истинную веру: религиозная революция в Черной Африке

- 127 -

Филип СТЮАРТ

Миротворчество в Израиле: на пути к открытому обществу в условиях устойчивой демократии

- 162 -

Нафисе ВА'ЭЗ

**Влияние паломнических поездок на региональную
политику Ирана и его отношения с обновленным Ираком**

- 184 -

РЕЛИГИОЗНЫЙ РАДИКАЛИЗМ
В СТРАНАХ ВОСТОКА

Алексей ДРУГОВ

**Мусульманский радикализм и терроризм
в современной Индонезии**

- 230 -

EX PRINCIPIIS / ИЗ ИСТОЧНИКОВ

Агентурная записка 1920 года о положении в Турции

(Публикация архивного документа, предисловие
и комментарии *Алексея САРАБЬЕВА*)

- 255 -

ОБ АВТОРАХ

- 284 -

ABOUT AUTHORS

- 287 -

ABSTRACTS

- 290 -

IN THE PAST ISSUES

- 297 -

В ПРОШЛЫХ ВЫПУСКАХ

- 300 -

CONTENT

TO READERS, or
On the Relationship of Religious Politics and Religion

- 10 -

POLITICS AND THE CHURCH

Alexander YAKOVLEV

**The Crisis in Relations Between the Constantinople
and Moscow Patriarchates in the Context of World Politics
of the XX – XXI centuries**

- 26 -

Aleksei SARABIEV

**Russian Influence on Middle Eastern Church Affairs:
120 years ago**

- 67 -

FROM RELIGIOUS CONSCIOUSNESS TO RELIGIOUS POLITICS

Grigory KOSACH

**Russian “Islamic” Diplomacy:
Organization of Islamic Cooperation**

- 96 -

Igor SLEDZEVSKY

**The Struggle for True Faith:
Religious Revolution in Black Africa**

- 127 -

Philip STEWART

**Peacekeeping in Israel: Towards an Open Society
in Sustainable Democracy**

- 162 -

Nafise VAEZ
**The Impact of Pilgrimage Trips on Iran's Regional Policy and
Its Relations with Renewed Iraq**

- 184 -

RELIGIOUS RADICALISM
IN THE COUNTRIES OF THE EAST

Alexey DRUGOV
Muslim Radicalism and Terrorism in Modern Indonesia

- 230 -

EX PRINCIPIIS / FROM SOURCES

One Informant Report (1920) on the Situation in Turkey
Publication of an archival document, foreword and comments by
Aleksei SARABIEV

- 255 -

ABOUT AUTHORS

- 287 -

ABSTRACTS

- 290 -

IN THE PAST ISSUES

- 297 -

Александр ЯКОВЛЕВ

**КРИЗИС В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ
КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИМ И МОСКОВСКИМ
ПАТРИАРХАТАМИ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ
ПОЛИТИКИ XX–XXI ВЕКОВ**

DOI: 10.31696/2542-1530-2020-4-26-66

В центре внимания автора конфессиональный и политический аспекты конфликта между Константинопольским и Московским патриархатами, обострившегося в 2018–2019 гг. в связи с предоставлением Константинополем автокефалии Украинской Православной церкви. Обращено внимание на возрастание религиозного (цивилизационного) фактора в мировой политике и его возрастающая роль в современных международных отношениях. Рассматриваются исторические предпосылки данного конфликта, уходящие корнями в непростой вопрос церковной автокефалии и прецеденты формирования национальных церквей. Особое внимание обращено на притязания КП в православном мире, его настойчивые попытки в XX в. утвердить свое главенство по отношению ко всем иным древним и новым Церквам, особенно на фоне изменений миропорядка в начале и в конце XX в. Немалую роль в такой политике сыграли личности глав КП в XX в. Показаны истоки конфликтов между Константинополем и Москвой, в частности, по украинскому вопросу, и попытки обеих сторон во второй половине XX в. по нормализации отношений. Отмечается связь Критского собора 2016 г. с последующим решением КП об автокефалии Украинской церкви. Показан смысл использования церковных проблем Великобританией в XIX в., а впоследствии и США в их политике сдерживания и ослабления России. Тем самым, кризис в отношениях между двумя частями Вселенской Церкви имеет не только

церковное (экклезиологическое) значение, но вписывается в текущую трансформацию мировой системы международных отношений.

Ключевые слова: религия, Православная Церковь, Московский патриархат, Константинопольский патриархат, Украинская Православная церковь, автокефалия, национальная церковь, Критский собор, раскол.

В начале XXI в. заметно усилилось влияние нематериальных факторов в международных отношениях. Причем это усиление совпало с кризисом господствовавших ранее секулярных политических идеологий. С. Хантингтон в 2004 г. отмечал, что «в последней четверти двадцатого столетия вектор развития человеческого общества изменил направление» – с идеологического на религиозное: «Религия восстановила свою значимость, как в частной, так и в общественной жизни, как на уровне национальных государств, так и в межгосударственных отношениях» [Хантингтон 2018, 470]. Уменьшение значимости идеологии привело к возрастанию роли истории, культуры и религии как источников идентичности личности и народа, что стало использоваться политиками.

Религиозный фактор, как проявление «мягкой силы» учитывается при анализе международных отношений в разных регионах мира. Религия и религиозные институты используются отдельными государствами для достижения собственных целей. Тем самым, можно выделить *религиозно-политический* и *церковно-политический* факторы в истории и современных международных отношениях. Первый отражает собственно религиозные (вероучительные) проблемы, а второй – деятельность религиозных институтов. Примерами первого можно назвать создание в XIX в. императором Александром I Священного Союза как общеевропейской системы международного порядка, а в XX в. – Исламскую революцию в Иране в 1979 г. и последовавшее за ней создание Исламской республики Иран. Наглядными примерами

второго могут выступать в XIX в. проведение канцлером Германии О. Бисмарком политики *культуркампфа* ради уменьшения влияния Ватикана в общественно-политической жизни Германии, а в XX–XXI вв. – попытки создания автокефальной Украинской Церкви для отрыва Украины и украинского народа от России в геополитическом противоборстве США с нашей страной.

Такого рода переплетение проблем сугубо церковных и внутривнутриполитических с проблемами в региональной и мировой системах международных отношений происходило на протяжении столетий, хотя имело разный масштаб. Использование церковно-политического фактора в мировой политике можно увидеть в обострившемся в 2018 г. кризисе в отношениях между Константинопольским и Московским патриархатами (КП и МП) вселенской Православной Церкви. Он включает противоречия межгосударственные между Украиной и РФ, проблемы становления национального государства на Украине, а также формирование нового порядка международных отношений в Европе и в мире, а также новые явления в политике КП. Сложная природа этого кризиса требует комплексного анализа, выхода за рамки субрегиона Восточной Европы, обращения не только к недавним событиям, но и к давней истории¹.

Предмет межцерковного конфликта

Священный синод Русской Православной Церкви (РПЦ) принял 15 октября 2018 г. специальное заявление в связи с посягательством КП на каноническую территорию Русской Церкви. Основанием послужило нарушение церковных канонов в решении КП от 11 октября 2018 г. о подтверждении

¹ Нельзя не отметить выпуск журнала «Россия в глобальной политике», 2019, № 1, в котором собраны материалы по данной проблематике, представляющие разные аспекты конфликта и точки зрения на него (URL: <http://delta-info.net/index.php/rvgpmenu/1184-rvgp1-19>), а также сборник статей отечественных и европейских авторов «Политическое богословие» [Политическое 2019], которые по-разному рассматривают сложные вопросы взаимодействия и взаимопроникновения политического и религиозного в современном обществе (URL: <http://esxatos.com/bodrov-politicheskoe-bogoslovie>).

намерения «предоставить автокефалию Украинской Церкви», об открытии в Киеве «ставропигии» КП, о «восстановлении в архиерейском или иерейском чине» лидеров украинского раскола и их последователей, ранее лишенных церковного сана, и «возвращении их верующих в церковное общение», и даже об «отмене действия» соборной грамоты КП 1686 г., касающейся передачи Киевской митрополии в состав МП.

Невзирая на этот протест, 6 января 2019 г. в Стамбуле патриарх Константинопольский Варфоломей вручил украинской делегации во главе с тогдашним президентом Петром Порошенко «томос» о даровании автокефалии некоей структуре, названной «Святейшая церковь Украины». Это и стало роковым рубежом в отношениях двух Церквей.

Предметом конфликта стала судьба автокефальной (независимой от МП) Украинской Церкви, которую стремились создать после 1917 г. сторонники самостийной Украины, а в течение двух последних десятилетий – власти независимой Украины и некоторые бывшие священнослужители РПЦ, обратившиеся в раскол фактически при поддержке со стороны КП. Сами по себе перечисленные действия раскольников и КП являются нарушением признанных правил церковной жизни, но все же ограничены сферой межцерковных отношений. Однако в условиях политического конфликта на юго-востоке Украины и напряженных украино-российских отношений, а также сложных и противоречивых процессов национально-государственного строительства на Украине, межцерковный конфликт имел значение регионального политического конфликта. Когда же к нему подключился КП, конфликт обрел гораздо больший масштаб и значение. Видится возможным даже раскол Православной Церкви по лекалам Великой схизмы 1054 г.

Все это побуждает к осмыслению современных явлений, в которых перемешаны действительно религиозное и квазирелигиозное, тесно связанное с определенной идеологией или мировоззрением, – явлений, где церковная политика оказывается переплетенной или подчиненной интересам политики государственной, и риторика о традиционных

ценностях теснит собственно религию. Требуется уже не только церковно-исторический анализ, но и рассмотрение проблем сквозь призму мировой политики. Для начала охарактеризуем церковно-канонические и исторические предпосылки возникшей ситуации.

Автокефалия как принцип церковного порядка

Прежде всего, следует остановиться на понятии *автокефалия*, которое оказалось в центре конфликта. Церковная автокефалия в буквальном переводе с греческого означает *самоглавие*. Вселенская Православная церковь состоит из взаимосвязанных автокефальных Поместных церквей, вполне самостоятельных в своей внутренней жизни, при этом разделяющих единое вероучение, имеющих равнозначную иерархию и традицию совершения богослужения¹.

Всякая автокефальная Церковь имеет самостоятельный источник власти, поставляя своего главу из числа епископов, опираясь при этом на решение III Вселенского собора (431 г.), а также канонизирует своих святых, prepares святое *миро*, самостоятельно осуществляет административную и судебную деятельность. В *диптих* (список поминаемых предстоятелей Православных церквей) ко времени IV Вселенского собора (451 г.) входили главы Поместных церквей: Римской, Константинопольской, Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской. После отпадения Рима в 1054 г. первое место в диптихе занял Константинопольский патриархат, благодаря политическому значению столицы империи, как «царствующего града», а в 1590 г. на пятое место был поставлен Московский патриархат. Ныне в диптих входят также патриархаты Грузинский, Сербский, Румынский и Болгарский, автокефальные Церкви Кипрская, Элладская, Албанская, Польская, Чешских земель и Словакии, Американская (хотя КП не признает автокефальный статус Американской церкви, а Грузинскую ставит на девятое место

¹ Помещаемый ниже справочный материал в основе своей заимствован из соответствующих разделов Православной энциклопедии, например, [ПЭ, т. 1, 199–202].

после Болгарской). Все Православные церкви равноправны. Место в диптихе не сообщает Церкви каких-либо преимуществ и привилегий, подразумевает лишь «первенство чести, но не власти».

Появление новых автокефальных Церквей в древности было связано с географической отдаленностью территории, обретением ею политической самостоятельности или иными историческими, этнонациональными особенностями. В имперский период право предоставления автокефалии принадлежало исключительно императорам Византии.

В настоящее время решение о даровании самостоятельной автономной Церкви автокефалии принимается высшей властью Поместной церкви (*кириархальной* по отношению к первой). Так, РПЦ является кириархальной Церковью для Японской и Китайской автономных Церквей, для Украинской, Белорусской, Молдавской, Латвийской и Эстонской Православных церквей, имеющих статус самоуправляемых. Константинопольская церковь имеет такой же статус для автономной Финляндской церкви и для Критской церкви, Иерусалимская Церковь – для автономной Синайской церкви.

Юрисдикционная связь между автономными и кириархальными Церквями обусловлена историческими причинами. Например, автономная Финляндская церковь, основанная РПЦ, самочинно перешла в юрисдикцию Константинопольского патриархата, но в 1957 г. Церковь-мать признала этот ее статус. КП предоставлял автокефалию входившим к тому моменту в его состав Элладской (1850), Сербской (1879), Румынской (1895) Болгарской (1945) и Албанской (1937) церквям, а также Русской церкви (в 1589 г., хотя она была провозглашена еще в 1448 г., но не признавалась Константинополем). РПЦ даровала автокефалию Польской (1948), Чехословацкой (1951) и Православной церкви в Америке (1970).

Автономные Церкви имеют ограниченную самостоятельность, сохраняя каноническую зависимость от кириар-

хальной Церкви, и лишены права поставлять своего главу [ПЭ, т. 34, 160].

Крещение Руси в 988 г. ознаменовало возникновение Русской церкви в X в. как части Константинопольской церкви. В 1299 г. митрополит Киевский и всея Руси Максим переместил свою кафедру из Киева во Владимир-на-Клязьме, столицу Северо-Восточной Руси, объясняя это «насилием от татар в Киеве» и разорением «матери городов русских». Конечно, это получило поддержку от великих князей Владимирских, чей авторитет вырос в общерусском масштабе. В ответ на это галицко-волынский князь Юрий Львович добился в 1303 г. от Константинопольского патриарха Афанасия и византийского императора Андроника II Палеолога создания на короткое время отдельной Галицкой митрополии с подчинением ей всех епархий юго-восточной «Малой Руси», причем без согласия митрополита Максима. В 1317 г. попытка раздела Киевской митрополии повторилась по инициативе литовского князя Гедимина: была создана Литовская митрополия, просуществовавшая до 1362 г. Тем самым, пишет автор энциклопедической статьи А.В. Назаренко, «политическое развитие Восточной Европы все дальше разводило западные и юго-западные земли Руси, оказавшиеся к середине XIV в. в основном в составе Великого княжества Литовского, и земли северные и северо-западные, находившиеся под номинальной властью великих князей владимирских. В таких условиях... окончательный раздел Киевской митрополии становился лишь вопросом времени, хотя и был отсрочен еще на столетие – до середины XV в.» [ПЭ, т. РПЦ, 50–51].

Политические притязания литовских князей дополнились стремлением Рима подчинить своей власти южнорусские земли путем создания *унии* (подчинения католическому Риму). В 1458 г. патриарх Константинопольский Григорий III Мамма по согласованию с Римским папой Каллистом III, принял решение о выделении из Киевской митрополии особой «митрополии Киевской, Литовской и всея Руси», охватывающей православные епархии на территории Великого княжества Литовского и Польши с центром в Вильно.

В 1596 г. на соборе епископов «Западнорусской митрополии» в Бресте было принято решение о соединении с Католической церковью, о подчинении папе Римскому и принятии католического вероучения, что стало следствием деятельности католического духовенства и давления государственной власти – лично польского короля Сигизмунда III. Митрополит Киевский Михаил открыто объявил себя сторонником унии. Тем не менее, папа Климент VIII не дал прав автономии Киевской митрополии, сохранение особенностей православного вероучения исключалось, но он согласился на сохранение там своих обрядов, «если только эти обряды не противоречат истине и учению католической веры». Вследствие этого произошел раскол духовенства и мирян Киевской митрополии, большинство которых были противниками унии, и оказались притесняемыми государственной властью, в то время как западнорусская знать ради сохранения своего положения изменила вере отцов. «Религиозный конфликт стал приобретать характер политического столкновения между государством и православным населением Речи Посполитой, которое воспринимало действия власти как посягательство на традиционное право свободно исповедовать свою религию» [ПЭ, т. 6, 240; Общая история... 2017, т. 2–1, 237]. Отношения между Киевской кафедрой и Москвой были разорваны и возобновились лишь в середине XVII в., приведя, в конечном счете, к вхождению Киевской митрополии в состав МП. В этих давних событиях можно видеть прообраз сегодняшней ситуации на Украине.

Проблемы в Украинской церкви

В XX в. попытки воссоздания независимой Украины после 1917 г. сопровождались попытками создания и независимой Украинской церкви. Усилиями националистов на Киевском «соборе» 1921 г. была объявлена «самосвятская» Украинская автокефальная Православная церковь (УАПЦ). Вскоре она распалась, но вновь возникла в 1942 г. – в период немецко-фашистской оккупации Украины. После осво-

бождения территорий церковная жизнь Украины протекала вновь в канонических пределах РПЦ.

В конце 1980-х годов в результате «перестройки» и общей либерализации общественно-политической жизни в СССР, в западных областях Украины начался рост националистических настроений. В церковной жизни это привело к более широкому распространению униатства и усилению движения за автокефалию. С 1966 г. патриаршим экзархом Украины был архиепископ Киевский и Галицкий (с 1968 г. митрополит) Филарет (Михаил Антонович Денисенко). Главной проблемой церковной жизни в то время оставалась уния, но он не смог найти приемлемое решение униатского вопроса в Галиции, отказался от попыток диалога со священноначалием Украинской греко-католической церкви (УГКЦ).

Те, в свою очередь, опирались на поддержку Ватикана, усиленную после встречи 1 декабря 1989 г. президента СССР М.С. Горбачева с папой Римским Иоанном-Павлом II. Униаты (нелегальные общины греко-католиков, ушедшие в подполье после 1946 г.) начали в 1987 г. кампанию за легализацию УГКЦ. Возник Комитет защиты Украинской католической Церкви, которую представляли как «Церковь-мученицу», пострадавшую от сталинских репрессий, в то время как РПЦ, пострадавшую несравнимо более, обвиняли в сговоре с властями. В январе 1990 г. униаты обрели легальный статус. Но это не принесло мира на Украину. В условиях обострения межнациональных отношений массовый характер приняли захваты униатами православных храмов. К лету 1990 г. в западных областях Украины при поддержке местных властей большинство православных храмов было захвачено греко-католиками, причем обращения к Горбачеву с просьбой противодействовать этим захватам оказались напрасными. Униатский архиепископ Владимир (Стернюк) требовал возвращения униатам всех храмов по состоянию на 1939 г.

В те же годы в Галиции возникли первые приходы раскольников-автокефалистов, объявивших о своем выходе из юрисдикции МП и возрождении раскольнической УАПЦ. В феврале 1989 г. был создан Комитет по возрождению

УАПЦ, призвавший православные приходы Украины к выходу из юрисдикции МП, а 1 ноября 1989 г. уже была создана раскольническая церковная структура УАПЦ, легализованная украинской властью в мае следующего года. К концу 1990 г. в нее перешли более 900 церковных общин. В июне того же года на «соборе» УАПЦ заочно был избран «патриарх Киевский и всея Украины» Мстислав (Скрыпник), проживавший в США.

Ради преодоления раскола и сохранения церковного мира Архиерейский Собор РПЦ в октябре 1990 г. принял решение о предоставлении УПЦ МП независимости и самостоятельности в управлении, при сохранении канонического единства с Московским патриархатом. Отныне предстоятель Украинской церкви носил титул не экзарха, а «Блаженнейшего Митрополита Киевского и всея Украины», Синод УПЦ МП избирал и поставлял архиереев, учреждал и упразднял церковные кафедры в пределах Украины, обладая высшей судебной, законодательной и исполнительной церковной властью в епархиях УПЦ МП. Это решение огласил патриарх Алексей II в Киеве 28 октября 1990 г., оно было утверждено Поместным собором РПЦ. Также РПЦ отказалась от прав на собственность и имущество, принадлежавшее ей на территории Украины, в пользу УПЦ МП [ПЭ, т. 12, 97; ПЭ, т. 3, 546–565; Петрушко 2007; Драбинко 2002].

Такой экскурс в недавнюю историю видится полезным для свидетельства сложности ситуации в церковной жизни Украины. МП демонстрировал свою готовность к разрешению возникающих проблем: на Архиерейских соборах РПЦ 1990, 1992, 1994, 1997, 2000 годов и позднее обсуждались вопросы церковной жизни на Украине¹.

¹ Действия МП и УПЦ МП нередко описываются в понятиях «мягкой силы» российской дипломатии, однако в действительности РПЦ старается дистанцироваться от политики властей РФ. По заключению С.П. Донцева, «российская “мягкая сила” в лице РПЦ вплоть до начала 2000-х гг., скорее, конструировалась и демонизировалась в медийном пространстве Украины, чем существовала на самом деле». И позднее УПЦ МП «действовала в большей степени как самостоятельный актер с минимальной поддержкой со стороны Московской Патриархии и государственных институтов РФ». Но с появлени-

Лидер раскола

Роль личности в истории иногда бывает заметной и в положительном и в отрицательном значении. В связи со сложнейшей церковной ситуацией на Украине, имеющей выходы на взаимоотношения КП и МП, нельзя обойти вниманием действия бывшего митрополита РПЦ Филарета (Денисенко). Как было сказано, он с 1966 г. занимал пост патриаршего экзарха Украины. Человек властный и честолюбивый, он показал себя не с лучшей стороны, нарушая каноны монашеской жизни. Однако после кончины патриарха Пимена (Извекова) в мае 1990 г. он, в силу своего статуса, был избран местоблюстителем патриаршего престола, а позднее на Архиерейском соборе назван одним из трех кандидатов на пост Патриарха Московского и всея Руси. Как известно, на Поместном соборе 7 июня 1990 г. патриархом был избран Алексей (Ридигер). Уязвленное самолюбие Денисенко повело его далеко. Он воспользовался дарованной УПЦ самостоятельностью в своих личных целях, которые не совпадали с интересами православия на Украине. Он укреплял свою личную власть, ведя переговоры об объединении с раскольнической УАПЦ, поскольку его авторитет в церковной жизни Украины слабел.

После выхода Украины из СССР и провозглашения ею независимости, бывшая партийная номенклатура ради сохранения своего положения поддержала националистические силы, идеи которых, зародясь в Галиции, стали насаждаться по всей стране. Так разрыв с Россией стал господствующей идеологией на Украине. В 1991 г. митрополит Филарет рьяно поддержал этот курс украинского лидера Л.М. Кравчука, провозгласившего: «Независимому государству – независимую Церковь», и потребовал автокефалии для УПЦ. Против этого решения выступила часть украинского епископата и братья Киево-Печерской лавры.

В работе Архиерейского собора РПЦ в марте-апреле 1992 г. принимали участие 20 из 21 украинских архиереев.

ем концепции «Русского мира» конфессиональный фактор использовался в этом политическом проекте [Донцев 2018, 83, 85, 86].

После обоснования митрополитом Филаретом украинской автокефалии из политических соображений, украинские архиереи заявили, что существующая самостоятельность УПЦ не уврачевала раскол, не воспрепятствовала активизации унии на Украине. Большинство их высказались против автокефалии, учитывая негативное отношение украинских православных к отделению УПЦ от МП, и утверждая, что при полной самостоятельности УПЦ окажется один на один перед лицом униатской агрессии.

Тогда сторонники автокефалии обратились к патриарху Константинопольскому в надежде получить от него самостоятельность УПЦ, но КП отказался принять прибывших в Стамбул посланцев из Киева, посчитав, что предоставление автокефалии возможно лишь с согласия МП. Поскольку идея автокефалии персонифицировалась митрополитом Филаретом, Архиерейский собор РПЦ предложил ему устраниваться от управления УПЦ ввиду аморального поведения и грубых просчетов в управлении УПЦ. Филарет согласился и перед крестом и Евангелием подтвердил обещание сложить полномочия, как только соберется в Киеве собор для избрания нового главы УПЦ. Слова он не сдержал.

14 апреля Филарет провел в Киеве пресс-конференцию, на которой обвинил Архиерейский собор РПЦ в давлении и клевете на него и заявил, что будет возглавлять Украинскую церковь до конца своих дней¹. Тогда же его сторонники, группа священников и мирян, обратилась к патриарху Константинопольскому Варфоломею с просьбой прекратить действия акта 1686 г. о переходе Западнорусской митрополии в юрисдикцию МП. 30 мая 1992 г. уже сам Филарет просил патриарха Варфоломея принять его вместе с ближайшими сторонниками под свою юрисдикцию [ПЭ, т. 14, 397].

27 мая 1992 г. на состоявшемся в Харькове Архиерейском соборе УПЦ МП² было выражено недоверие Филаре-

¹ Патриарх Алексей II направил 26 мая 1992 г. Филарету телеграмму, в которой, взывая к совести архиерея, просил его уйти в отставку.

² В те дни президент Л.М. Кравчук потребовал от руководства Харькова и Харьковской области воспрепятствовать выборам нового председателя

ту, он был уволен с Киевской кафедры, а ее новым предстоятелем избран митрополит Владимир (Сабодан). Президент Украины Л.М. Кравчук был вынужден признать законность этого избрания и легитимность УПЦ МП. По заявлению 16-и украинских епископов Филарет был предан церковному суду за «тяжкие церковные преступления» и решением суда Архиерейского собора РПЦ лишен всех степеней священства, а в 1997 г. решением того же органа он был отлучен от Церкви.

Тем временем, Филарет на «Всеукраинском православном соборе» 25 июня 1992 г. создал «Украинскую Православную Церковь Киевского Патриархата» (УПЦ КП), объединившись с УАПЦ, а в октябре 1995 г. был облечен в сан «патриарха» этой структуры. Раскол Православия на Украине ширился: на начало 1996 г. УПЦ КП имела 1332 прихода, тогда как УПЦ МП – 6500 приходов [ПЭ, т. 3, 560].

Для признания статуса автокефальной Поместной Церкви Филарет отправился в Стамбул, но тогда патриарх Варфоломей не оказал ему поддержки: 26 августа 1992 г. он известил патриарха Московского Алексия II о признании митрополита Киевского Владимира (Сабодана) единственным законным предстоятелем УПЦ и о поддержке решения о лишении Филарета священного сана.

В следующем, 1993 году, УАПЦ отделилась от УПЦ КП, а та при поддержке государственных властей начала захват храмов МП, с помощью боевиков УНА-УНСО пыталась захватить Киево-Печерскую лавру [ПЭ, т. 14, 400]. Это еще раз подтверждало, что «Киевский патриархат» во главе с Денисенко – не религиозная, а чисто политическая структура, которая использовалась властями Украины как один из инструментов консолидации на принципе моноэтничности¹.

УПЦ, а ранее, в апреле 1992 г., в телеграмме к Архиерейскому собору РПЦ просил ускорить положительное решение об автокефалии УПЦ [ПЭ, т. 14, 395].

¹ О политической активности Филарета Денисенко свидетельствует хотя бы факт его обращения к администрации США в интервью от 28 июля 2018 г. с призывом поставлять вооружения для активизации боевых действий на юго-востоке Украины, поскольку «война помогает росту Киевского Патриархата; она была допущена Богом» [Йозеф (Барон) 2019, 144].

Стоит вспомнить такое рассуждение С. Хантингтона: «Возросшая значимость религии как элемента национальной идентичности также означает увеличение числа религиозных конфликтов во многих регионах земного шара. Эти конфликты зачастую имеют политические или экономические причины и представляют собой столкновения из-за территории или ресурсов. Политики же заинтересованных сторон в собственных интересах разжигают религиозные страсти. Как только конфликт превращается в религиозный, он становится практически неуправляемым, и найти компромиссное решение крайне затруднительно...» [Хантингтон 2018, 472].

В Москве пытались предотвратить вмешательство КП в дела украинских православных. В 2000 г. Архиерейский собор УПЦ МП под председательством митрополита Владимира обратился к патриарху Варфоломею с посланием, в котором говорилось: «За церковными расколами в Украине стоят амбициозные политики... которые спекулируют на ценностях, традициях и истории Православия, а также на патриотизме. Любое участие Вашего Святейшества в их авантюрах способно непоправимо подорвать Ваш авторитет и... вызвать кризис или даже раскол в православном мире, последствия которого могут напомнить церковную трагедию 1054 г. Очевидно, раскол в Украине может быть преодолен только усилиями изнутри. Это действительно внутреннее дело Украинской Православной церкви» [цит. по: ПЭ, т. 37, 290]. Церковная ситуация на Украине была предметом обсуждения на встречах делегаций РПЦ и КПЦ в апреле и июне 2001 г. в Цюрихе, апреле 2002 г. в Крыму, апреле 2003 г. в Москве, июне 2003 г. в Стамбуле.

Говоря вообще, сама по себе идея национальной церкви изначально была чужда христианству, в котором все верующие – это «сыны Божии по вере в Иисуса Христа... нет уже Иудея, ни язычника» (Гал. 3:26, 28), «нет ни Еллина, ни Иудея» (Кол. 3:11). Вселенское Православие, тем самым, объединяет элементы единого тела Церкви, части которого самостоятельны в административном отношении.

В период Реформации в XVI в. поиски национально-государственной самостоятельности отдельных составляющих католического мира совпали с их стремлением церковной независимости от власти Рима. В свою очередь, захват турками Константинополя в 1453 г. изменил картину единой православной вселенной. Так в пространстве христианского мира возникла и обрела жизнь идея «национальной Церкви».

Слабость и сила Константинопольского патриархата

Константинопольский патриархат и ранее оказывался вовлеченным в политические отношения, в частности, с Россией. В прежние времена самой яркой попыткой использования церковных вопросов для достижения политических целей была Флорентийская уния. В 1439 г. перед угрозой военного вторжения турок-османов и под давлением византийского императора Иоанна VIII на «объединительном соборе» при участии императора, патриарха Иосифа II и папы Римского Евгения IV КПЦ признала примат Римского папы в церковных делах и согласилась с допустимостью всех догматических и обрядовых традиций латинян. Но, несмотря на свою измену православию, помощи от Запада Византия не получила. После падения в 1453 г. Константинополя прекратила свое существование православная Византийская империя, а все древние Православные Церкви оказались под властью Османской империи.

В течение последующих столетий Восточные церкви в противоборстве с турецкими властями колебались в своей ориентации на Россию, Австро-Венгрию или Рим. После падения Османской империи и впоследствии образования на ее территориях отдельных государств, существование Церквей на Ближнем Востоке протекало в иных условиях, чем века назад. Однако не только борьба за православие и самосохранение, но и амбиции проявлялись в межцерковных отношениях.

Патриарх Константинопольский Мелетий IV провозгласил в 1922 г. в Стамбуле доктрину о праве КП

на исключительную юрисдикцию на всю православную диаспору в Европе, Северной и Южной Америке, в том числе на епархии РПЦ, оказавшиеся после революции 1917 г. на территории новых государств – Финляндии, Польши, Латвии и Эстонии. По сути дела, патриарх приступил к реализации программы превращения КП в глобальную «Вселенскую Церковь», организованную по принципу внетерриториальной юрисдикции – под управлением своего рода «православного Ватикана». В мае 1923 г. по его инициативе в Константинополе был проведен «Всеправославный конгресс», на котором, правда, не было официальных представителей Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской церквей, а представители РПЦ присутствовали на конгрессе неофициально. Это, однако, не помешало принять важные решения в сфере церковной жизни.

Обеспокоенные этими процессами турки, в свою очередь, выдвинули проект организации «Турко-Православной Церкви», что лишило бы КП основы его существования. Но на Лозаннской мирной конференции лорд Дж. Керзон предложил сохранить патриархию в Константинополе, хотя и без амбициозного Мелетия IV, вынужденного оставить патриарший престол в сентябре 1923 г. Новые турецкие власти рассматривали КП как местную религиозную общину в пределах Стамбула, в квартале Фанар. Показательно, что каноническая территория КП сократилась: число епархий уменьшилось за 1862–1901 гг. с 117 до 78; в период Османской империи доля православных в составе населения составляла около 20%, к 1927 г. она сократилась до 2%, а к 1945 г. – менее 1% [ПЭ, т. 37, 260, 274; Общая история... 2017, т. 2–1, 409].

Тем не менее, в 1924 г. патриарх Константинопольский Григорий VII объявил о юрисдикции КП над православными приходами в Азии и Африке, что породило конфликты с Александрийским и Антиохийским патриархатами. Тогда же патриарх Григорий VII поддержал обновленческое движение в Советской России, предложив законному главе РПЦ

патриарху Тихону уйти на покой¹, на что патриарх Тихон ответил письмом протеста: «Мы немало смутились и удивились, что представитель Вселенской Патриархии, глава Константинопольской Церкви, без всякого предварительного сношения с Нами, как с законным представителем и главою всей Русской Православной Церкви, вмешивается во внутреннюю жизнь и дела автокефальной Русской Церкви». Святитель Тихон указал, что «за епископом Константинопольскими признавали всегда только первенство чести, но не признавали и не признают за ним первенство власти или первенство вообще», и напомнил правило, запрещающее епископам вне пределов их церковной области какие-либо церковные распоряжения, впрочем, заключив письмо так: «Ваше Святейшество, как возлюбленный во Христе брат наш... будете иметь возможность ознакомиться с действительным положением церковных дел Православной Русской Церкви и уверитесь, что истина за Нами и с Нами» [Акты 1994, 322–324].

Тем не менее, в ноябре 1924 г. патриарх Григорий VII подписал томос об автокефалии Польской церкви, за что, по архивным данным, польское правительство выплатило Фанару 12 тыс. фунтов стерлингов [Чибисова 2018]. В 1931 г. следующий патриарх Константинопольский Фотий II принял юрисдикцию КП Западноевропейскую (эмигрантскую) митрополию РПЦ, а в 1936 г. патриарх Константинопольский Вениамин I – «Автономную митрополию Латвии», также объяснив это «любовью и заботой» о православных [ПЭ, т. 37, 266]. Тогда же КП выдвинул претензии на сербские епархии за пределами Югославии, обосновывая это произвольным толкованием 28-го правила IV Вселенского собора [ПЭ, т. 37, 269]. Впрочем, в декабре 1943 г. тот же патриарх Вениамин I тепло поздравил Сергия (Страгородского) с вступлением на кафедру патриарха Московского и всея Руси [ПЭ, т. 37, 271].

¹ Показательно, что заявление патриарха Константинопольского Григория VII, в котором «Тихон объявляется низложенным и признается обновленческий Синод», 1 июня 1924 г. было опубликовано в «Известиях» и других советских газетах [Мазырин 2017, 63].

Значимость церковно-политического фактора в мировой политике была осознана и в Москве. Активное использование И.В. Сталиным РПЦ в 1946–1948 гг. в качестве «мягкой силы» в целях укрепления контроля над странами Центральной и Восточной Европы не могло не способствовать повышению роли РПЦ в церковной жизни православного мира в послевоенный период [Васильева 2004; Шкаровский 2010; Болотов 2011; Майнер 2010].

На Поместном соборе РПЦ в 1945 г., очевидно, под влиянием побед Красной Армии, высказывались предложения о том, чтобы перенести центр мирового Православия в Москву, хотя представители КП не поддержали такие идеи. Однако попытки – по указанию Кремля – созвать в Москве в 1948 г. VIII Вселенский собор, образовать «православный Ватикан», путем присвоения МП статуса Вселенского, или сформировать антипапское движение в христианском мире оказались безуспешными, и власть потеряла интерес к использованию РПЦ в своей внешней политике. К тому времени, как отмечал М.В. Шкаровский, «потерпели крах все «средиземноморские» планы И.В. Сталина в Греции, Турции, Израиле, и соответственно, не так нужны стали восточные православные иерархи» [Шкаровский 2010, 296].

Тем не менее, за несколько лет МП упрочила свое влияние в восточноевропейских странах «народной демократии», переведя западноевропейские и чешские приходы КП в свою юрисдикцию, и, по замечанию У. Флетчера, «влияние Московской Патриархии могло быть полезно, но теперь уже не было так важно. И куда не откроется какая-нибудь другая сфера приложения услуг Церкви, период использования РПЦ в интересах сталинской внешней политики подошел к концу» [цит. по: Шкаровский 2010, 296]. Впрочем, в развернувшемся в конце 1940-х годов международном движении за мир и разоружение РПЦ принимала участие¹.

¹ Движение сторонников мира в апреле 1949 г. положило начало работе Всемирного Совета Мира. Митрополит Крутицкий Николай (Ярушевич) был избран членом постоянного комитета ВСМ и вошел в состав Советского комитета защиты мира.

Константинопольский патриархат как объект и субъект мировой политики

Константинопольский патриархат стали активно использовать США в качестве церковно-политического фактора. Ответом Вашингтона на активность СССР в Южной Европе стала сформулированная в 1947 г. «доктрина Трумэна», а на попытку установления лидерства МП в мировом Православии американцы ответили установлением контроля над патриаршим престолом в Константинополе¹.

Ни патриарх Вениамин I, ни сменивший его в 1946 г. патриарх Максим V не смогли активно сопротивляться усилению влияния МП в Европе. Архиепископ Американский Афинагор еще в ноябре 1945 г. посетил Госдепартамент США и сообщил о «возможной попытке русских» провести на Константинопольский престол «своего кандидата». Архиепископ Кентерберийский в феврале 1946 г. обратился, соответственно, в Форин Оффис с советом: «помешать попаданию патриархата под русское господство». Актуальность проблемы стала очевидной в октябре 1948 г., после отречения патриарха Максима V от престола «по состоянию здоровья», а фактически под сильным политическим давлением [ПЭ, т. 37, 273].

¹ Стоит напомнить, что еще в XIX в. контроль над Константинопольским патриархатом виделся важным с геополитической точки зрения, и Лондон стремился укрепить свой контроль перед началом Крымской войны 1853–1856 гг. Так, патриарх Константин I, избранный на Константинопольскую кафедру в 1830 г., был смещен в 1834 г. по обвинению в «приверженности к России» [Муравьев 2019, 212]. Деятельность патриарха Григория VI, выступавшего против активности западных миссионеров, особенно лютеран и англикан, вызвала негодование посла Великобритании С. Каннинга, и он добился от Порты его смещения в 1840 г. Известный церковный деятель А.Н. Муравьев отмечал, что «новый Патриарх Константинопольский Анфим пред началом войны малодушествовал под угрозой Британскою и чуждался Русских, как бы иноверных» [Филарет (Дроздов) 1869, 421]. Тот же Анфим VI, по характеристике русского посла в Константинополе А.П. Бутенева, был «доверенный человек лорда Рэдклиффа и отъявленный доброжелатель Англии», и после разрыва дипломатических отношений в 1853 г. между Россией и Османской империей подписал адрес султану с выражением подчинения и преданности, за что получил репутацию предателя в собственной пастве [Смирнова 2015, 320, 321].

К тому времени КП утратил престиж и влияние, доля православных в составе населения Турции составляла менее 1%, турецкое правительство отказывалось признавать международный статус КП и чинило препятствия его деятельности, поэтому даже обсуждались планы переноса патриархата в изгнание. Все это заставляло Фанар искать поддержки извне. А с другой стороны, формирование биполярной системы международных отношений в мире побуждало США использовать КП в качестве противовеса влиянию МП в православном мире, на южном фланге своего противостояния с СССР.

1 ноября 1948 г. синод КП избрал архиепископа Северной и Южной Америки Афинагора (имевшего гражданство США) патриархом Константинопольским. Афинагор прибыл в Турцию 29 января 1949 г. на самолете, предоставленном властями США.

Занятие «Вселенского» престола американским гражданином конечно приобрело политическое значение. В американской прессе отмечали, что Афинагор был избран из-за своих демократических взглядов, которые у него сложились за время жизни в Соединенных Штатах, а турецкая газета «Улус» писала, что избрание Афинагора «означает победу свободного православия над большевизмом и крушение московских интриг», что отныне «Православная Церковь будет защищена от всякого иностранного влияния». В те же дни сам новоизбранный патриарх заявил: «Я всегда буду продвигать Америку и американские интересы, жить американскими идеалами и проповедовать их» [цит. по: Ермилов 2016, 226].

О последовательности патриарха Афинагора имеется свидетельство в рапорте госсекретарю США: «Афинагор является преданной духовной силой в продвижении американизма и внешней политики США в ключевой точке на стыке Ближнего Востока, Европы и СССР... Большой удачей Соединенных Штатов является то, что Патриарх – преданный друг Америки. Его дружба и влияние – большой шанс для США, и они должны поощряться и использоваться. Соединенным

Штатам следовало бы оказать материальную и особенно моральную поддержку Патриарху в максимально возможном объеме. Имея Патриарха на нашей стороне, мы получим еще одно представительство США в каждой стране, где проживает православное меньшинство». Но и сам Афинагор говорил в беседах с американскими военными и дипломатами, что «надеется на руководство и покровительство США», что «он и его аппарат всегда в распоряжении Госдепартамента в деле содействия всяческому продвижению целей внешней политики США» [цит. по: Ермилов 2016, 228].

Свидетельствами такой политики КП в 50-е годы стали попытки сместить патриарха Александрийского за «просоветскую позицию» или препятствия для направления монахов из РПЦ в монастыри Афона в 1957 г. Сам Джон Ф. Даллес в ответ на послание Афинагора написал: «Департамент признателен патриарху за его доверие при информировании нас относительно сообщений, полученных от Московского патриархата. Предложенная линия, обозначенная патриархом, которой он намерен придерживаться в ответах [патриарху Московскому и всея Руси] Алексию, представляется благоразумной. Правительство США не видит оснований полагать, что поддержка русских инициатив послужит продвижению интересов Запада». Приводивший эти сведения иерей Павел Ермилов в своем исследовании заключает: «Вопрос о пополнении братии русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне решался в те годы в Вашингтоне» [Ермилов 2016, 230].

Временами поддержка КП со стороны США ослабевала. В 1954–1955 гг. из-за обострения кипрской проблемы в Турции, особенно, в Стамбуле прошли погромы православных греков. В итоге численность их в Стамбуле сократилась со 100 тыс. в 1955 до 2 тыс. в 2000 г. [Общая история... 2017, т. 2–2, 221]. Однако это не отразилось на стремлении КП расширительно толковать титул Вселенского Патриархата.

Разногласия между Константинополем и Москвой

В течение нескольких десятилетий возникали острые разногласия между МП и КП. В 1970 г. патриарх Константинопольский Афинагор оценил намерение РПЦ даровать автокефалию Православной церкви в Америке как «ниспровержение существующего у нас церковного порядка» и «заговор против православного единства», утверждая, что «предоставление автокефалии относится к компетенции всей Церкви». В ответных посланиях митрополит (впоследствии патриарх Московский и всея Руси) Пимен (Извеков) отстаивал право любой поместной Церкви даровать автокефалию своей части [ПЭ, т. 37, 281].

На Архиерейском соборе РПЦ 1989 г. в докладе митрополита Филарета (Вахромеева) отмечались возникшие «прикорбные факты непонимания и разномыслия» с КП, который вновь выдвинул претензии на главенство в православии и на окормление православной диаспоры во всем мире.

Патриарх Варфоломей, будучи гражданином Турции, с 1991 г. возглавляет Константинопольскую Церковь, но свои полномочия определяет широко: «У нас есть привилегия быть старшим братом в мировой Православной церкви. Константинопольский патриарх представляет в мире Православие, является его выразителем и несет за него историческую, каноническую и теологическую ответственность. Прерогативой Вселенского патриарха является координация работы мирового Православия, включая созыв соборов, а также поддержка межцерковных и межконфессиональных диалогов, — он имеет право арбитра в церковных делах» [цит. по: Общая история... 2017, т. 2–2, 222]. На деле же после гибели тысячелетней «Вселенской империи» (Византийской или Римской) Константинополь перестал быть «градом царя и синклита», и константинопольский архиерей утратил многие свои права, сохранив свой статус по нормам диптиха, как «первый среди равных».

Новые проблемы в отношениях КП и МП создал «эстонский конфликт». До 1940 г. Эстонская церковь, созданная

в пределах Российской империи и канонической территории РПЦ, составляла Эстонскую митрополию КП. В июне 1940 г. Эстония вошла в состав СССР, и была образована Эстонская епархия РПЦ. После обретения независимости Эстонией, в 1993 г. были восстановлены автономные права Эстонской епархии РПЦ. В 1995 г. патриарх Варфоломей отменил решение своего предшественника патриарха Димитрия, который в 1978 г. признал томос об Эстонской митрополии КП недействительным. Варфоломей призвал к возрождению Эстонской апостольской (автономной) православной церкви в юрисдикции Вселенского патриархата, что с готовностью поддержало правительство Эстонии. В феврале 1996 г. Священный синод РПЦ признал действия КП в Эстонии раскольническими, приостановил каноническое общение РПЦ с Константинопольским престолом и принял решение прекратить поминовение имени патриарха Константинопольского при богослужении. Лишь после трудных переговоров, в 2002 г. состоялась регистрация эстонскими властями устава Эстонской Православной церкви МП, в котором указана ее преемственность по отношению к многовековым традициям православия в Эстонии – наряду с сохранением церковных структур КП, что закрепляло раскол в православном мире этой страны. Отношения МП с КП восстановились, но ненадолго из-за последовавших попыток КП распространить свою юрисдикцию на церковные структуры РПЦ в Великобритании, КНР, Чехии.

В своем стремлении закрепить за собой не только титул Вселенского патриарха, но и «вселенские» полномочия, патриарх Варфоломей выступал на пленарных заседаниях Европарламента в Страсбурге, а в 1995 г. создал в Брюсселе представительство КПЦ при ЕС.

Между тем, в июне 2007 г. Высший апелляционный суд Турции вынес решение о том, что предстоятель КПЦ не имеет права использовать в своем официальном титуле эпитет «Вселенский», так как, по условиям Лозаннского мирного договора (1923), он пребывает на территории Турции в качестве этнарха для духовного окормления местных православных

греков и не имеет права действовать за пределами Турецкой Республики. Однако в январе 2010 г. депутаты ПАСЕ призвали власти Турции разрешить патриарху Варфоломею использовать прилагательное «Вселенский». Возглавляемое Р. Эрдоганом правительство Турции, несмотря на стремление вступить в ЕС, не пошло на это.

В январе 2014 г. в ответ на документ РПЦ «Позиция Московского Патриархата по вопросу о первенстве во Вселенской Церкви», КП выступила с осуждением желания РПЦ «поставить под сомнение первенство Вселенского патриархата в православном мире», так как «архиепископ Константинополя является “первым иерархом без равных (primus sine paribus)”» [ПЭ, т. 37, 286–287, 289].

«Собор» на острове Крит

Этапными для судеб вселенского Православия стали события вокруг Собора на Крите летом 2016 г. Именно тогда КП не только декларировал, но и в одностороннем порядке попытался утвердить свое лидерство во всемирном Православии.

Ранее, в рамках межправославных отношений проходили контакты Церквей, урегулирование возникавших разногласий, обсуждение общих для всех православных проблем и угроз. В сентябре 1961 г. на о. Родос патриарх Константинопольский Афинагор созвал Всеправославное совещание, на котором обсуждались перспективы развития дружеских отношений со всеми христианскими церквями, а также вопросы подготовки нового Вселенского собора. Ввиду важности проблематики, подготовка Собора велась на встречах представителей Православных церквей в 1963, 1968, 1971, 1976, 1982, 1986, 1990, 1995, 1999 и 2004 гг. С 2008 г. работа по созыву Собора перешла в практическую фазу. Однако ввиду серьезных разногласий по процедурным и иным вопросам в первой половине 2016 г., то есть буквально накануне, от участия в Соборе отказались Антиохийская, Болгарская, Грузинская и Русская Церкви.

16–27 июня 2016 г. на о. Крит, в местечке Колимвари состоялось собрание глав и представителей 10 из 14 Православных церквей, которое в принятых им документах называет себя «Святым и Великим Собором Православной Церкви».

Во вступительной речи на открытии заседаний собрания патриарх Константинопольский Варфоломей сделал упор на тезисе о принципиальной важности «соборности» в жизни Церкви: «И совершенно не случайно с самого начала соборность пронизывает собою все фундаментальные аспекты жизни Церкви, от местного до вселенского ее проявления...» При этом якобы Вселенской Патриархии «принадлежит роль гаранта единства Православной Церкви». «Созыв настоящего Собора, – прямо заявил патриарх Варфоломей, – диктуется необходимостью урегулирования, в том числе, и внутренних вопросов Православной Церкви. Они возникали главным образом из-за системы канонического устройства нашей Церкви, состоящей из автокефальных Церквей, каждая из которых считает себя в своих пределах вправе регулировать внутренние вопросы, ... что иногда усложняет свидетельство Церкви в современном мире “едиными усты и единым сердцем” и порождает недоразумения, омрачающие образ этого единства... Однако, хотя и таковое устройство является каноничным и эkkлезиологически правильным, опасность превращения ее в некую форму “федерации Церквей”, каждая из которых продвигает свои интересы и стремления, не всегда только лишь церковные по своей сути, диктует необходимость применения соборности». «Благодаря разнообразию языков и поместных культур, Церковь во вселенной “разделяется” на области-юрисдикции, “ветви”»; «Мы выражаем нашу печаль, которую, мы уверены, разделяет вся Святая Церковь, в связи с отсутствием среди нас братских Болгарской, Русской, Антиохийской и Грузинской Церквей...» Поэтому, заключил патриарх Варфоломей, «мы, православные христиане, не должны вести себя как конфедерация Церквей. Мы единая Церковь, единое Тело, и мы должны разрешать любые разногласия между нами только соборно» [Документы... 2017, 105, 110–111, 123–124].

Точности ради, следует сказать, что представители РПЦ принимали участие во всех подготовительных встречах ожидаемого Всеправославного собора и участвовали в подготовке всех документов, выносимых на его обсуждение. Однако, по признанию митрополита Волоколамского Илариона, в апреле 2016 г., не все предлагаемые РПЦ поправки были приняты. В частности, предлагалось предоставить право председательства на заседаниях по принципу ротации главам Церквей или по принципу избрания, но принято было исключительно председательство патриарха Константинопольского. Было отвергнуто предложение РПЦ об участии в Соборе всех архипастырей каждой Церкви. В то же время, в проект документа «Автономия и способ ее провозглашения» вошло предложенное РПЦ положение о том, что «вопрос предоставления автономии той или иной своей части является внутренним делом каждой Поместной автокефальной Церкви, равно как и вопрос о характере и объеме прав, предоставляемых автономной Церкви»¹.

Одна из важных причин отказа четырех Церквей от участия в собрании на Крите состояла в нежелании участвовать в подготовленной КП экклезиологической реформе Церкви, и тем самым признавать ее законность. Ранее уже было сказано об упорных попытках КП в XX в. слома сложившейся системы устройства вообще Православной церкви и формирования нового церковного устройства, в котором Константинопольский (Вселенский) патриарх стал бы административным главой Православия, а органом управления Церковью – Собор, всемирный надцерковный орган для надзора над всем Православием.

Именно это прикрывалось словами патриарха Варфоломея о «ветвях», единство которым должен придать именно «Вселенский патриарх». Между тем, единство Православной церкви всегда мыслилось как единство духовное с Богом, а не как административное подчинение главе одной

¹ Иларион (Алфеев), митр. Выступление на конференции «Всеправославный Собор: мнения и ожидания», 19 апреля 2016 г. URL: <https://mospat.ru/ru/2016/04/19/news>.

из Церквей. Стоит вспомнить слова Иисуса Христа, приведенные в Евангелии от Иоанна: «Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем... Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет...» (Ин. 15:5, 6).

В первом пункте принятого на Крите «Послания Святого и Великого Собора православным людям и каждому человеку доброй воли» сообщается: «Православная Церковь выражает свое единство и соборность в Соборе...». Иными словами, единство Церкви видится в формальном институте, а не в согласии догматов веры и канонов, единстве Евхаристии и братском молитвенном общении, как это понималось две тысячи лет.

Принцип соборности используется патриархом Варфоломеем в качестве инструмента для закрепления вселенских притязаний Фанара, утверждений, что каноническое устройство Святейшей нашей Церкви еще не утвердилось окончательно, – несмотря на две тысячи лет существования Церкви, как отмечают в своей работе церковные историки Павел Кузенков и священник Павел Ермилов. Они указывают, в частности, что на Критском собрании была предпринята попытка навязать «новаторский постулат о том, что «соборность Православной Церкви может быть актуализирована не иначе, как через формальный институт – Собор»¹, обретающий черты Синода при Константинопольском патриархе. «Говорить, что без постоянного всеобщего собора Церковь не имеет полноценного единства, значит открыто признать, что такого единства не существовало никогда» – до патриарха Варфоломея, логично заключают авторы. Принятие на Критском собрании, вопреки многовековой канонической традиции, положения об учреждении «Святого и Великого Собора в качестве регулярно действующего института», стоящего над Поместными церквами, означает «нарушение всей системы канонического права и радикальный пересмотр православного учения о Церкви», разрушение принципа автокефалии.

¹ Кузенков П., Ермилов П., диакон. О соборности подлинной и мнимой. Куда ведет экклезиология критского «Великого Собора»? // Православие.Ru, 13.07.2016. URL: <https://pravoslavie.ru/95312.html>.

«Претензии архиепископа Константинополя на прерогативы “патриарха всея Вселенной” явным образом повторяют печальный путь западного папизма»¹.

Официальные представители собора заявили об «обязательном» характере его решений для всех Православных церквей. Однако Антиохийская церковь с этим не согласилась, а Священный синод Болгарской церкви вообще объявил собор на Крите «ни Великим, ни Святым, ни Всеправославным». Священный синод РПЦ назвал Критский собор не более чем «важным событием», и указал, что собор «не может рассматриваться как Всеправославный, а принятые на нем документы – как выражающие общеправославный консенсус» [Документы... 2017, 4].

От разногласий к разрыву

Именно проведение Критского собрания при признанном его участниками главенстве КП позволило патриарху Варфоломею занять более решительную позицию в отношении Украины.

В XX в. происходило появление новых национальных Православных церквей, но процесс автокефализации не влиял на сложившееся во Вселенской Церкви *единство во многообразии*. Сохранение этого единства было поставлено под угрозу по чисто политическим причинам – в результате роста притязаний в ходе общественно-политического развития Украины в XXI в.

Стоит отметить, что христианству чужды националистические настроения, и Церковь не этноцентрична, а христороцентрична. Показательно, что такого экклезиологического подхода ранее придерживался и патриарх Константинопольский Варфоломей. В своем выступлении в старокатолическом соборе в Нидерландах в 2014 г. он отмечал, что «понятие нации не может быть определяющим фактором церковной жизни или осью церковной организации. Каждый раз, когда православная Церковь уступает националистической риторике и оказывает поддержку расовым тенденциям, она теряет

¹ Там же.

из виду подлинные богословские принципы и признает падшее мышление, полностью чуждое сердцу православия» [цит. по: Общая история... 2017, т. 2–2, 214–215].

Первая попытка создания Украинской Церкви была заявлена в 2000 г. в период президентства Л.М. Кучмы. В июне 2000 г. патриарх Варфоломей принял делегацию Украины во главе с вице-премьером Н. Жулинским, который обратился с просьбой содействовать объединению украинского православия и получения автокефалии. В ответ глава КП заявил, что Константинополь заинтересован в скорейшем получении Украинской Церковью автокефалии, которую может дать лишь «Мать-Церковь – Вселенский Патриархат; Московский патриархат такого права не имеет». Однако необходимым условием каноничности автокефалии оставалось прекращение раскола и объединение всех трех течений в украинском православии.

Обрадованный Кучма активно вмешался в церковные дела, и с 2000 г. содействовал началу диалога между УПЦ КП и УАПЦ, причем в ходе своего визита в Турцию в ноябре провел переговоры с патриархом Варфоломеем. В декабре 2000 г. уже делегация Верховной Рады посетила Фанар, но глава КП не был готов даровать автокефалию немедленно [Чибисова 2014, 11, 13]. Начались многосторонние переговоры, причем и патриарх Варфоломей, и президент Л.М. Кучма участие в них МП считали необходимым.

Президент Украины Виктор Ющенко не раз обращался к патриарху Варфоломею с предложением о создании Украинской Поместной Церкви, но лишь в 2005 г. прозвучало обнадеживающее для него заявление КП о непризнании давнего решения Константинопольского Патриархата от 1686 г. о включении Киевской митрополии в каноническое подчинение МП. Примечательно, что в ходе своего визита на Фанар в 2005 г. В. Ющенко заявил: «Вопрос объединения – исключительно вопрос Церкви», но действовать киевские власти продолжали всеми возможными методами [Чибисова 2014, 17].

В Киеве были надежды на празднование 1020-летия Крещения Руси, на которые президент Ющенко пригласил патриарха Варфоломея. Это приглашение вызвало протест со стороны патриарха Алексия II, который, однако, не желая конфликта с КП, одобрил приезд и сам прибыл в Киев. Но в Киеве патриарх Варфоломей не поддержал намерения Ющенко. В торжествах, посвященных 1020-летию Крещения Руси, он совершил Божественную литургию вместе с патриархом Алексием II и представителями других Поместных Церквей и только. В качестве объяснения заминки с автокефалией журналисты называли «давление российского МИД на патриарха через турецкие власти», что возможно, но вероятнее предположить другое. КП был крайне заинтересован в проведении Всеправославного Собора, и это было невозможно без согласия Москвы. Вероятно, готовность активизировать подготовку Собора была выражена и в Киеве. На некоторое время острота конфликта была снята, по выражению митрополита Илариона (Алфеева) произошел «переход от эпохи конфликта к эпохе сотрудничества» [Иларион (Алфеев) 2009, 18]. Правда, «эпоха сотрудничества» оказалась недолгой.

В ноябре 2014 г. в украинском Ровно представители УАПЦ, «филаретовцы» Киевского патриархата УПЦ и некоторые архиерея УПЦ МП подписали меморандум о создании «Украинской Поместной Православной Церкви» – о чем не были осведомлены ни МП, ни глава УПЦ МП митрополит Онуфрий. Но и тут Константинополь промолчал. Ведь ни самопровозглашенная УАПЦ, ни филаретовская УПЦ КП не имели канонического статуса во Вселенском Православии.

Президент Порошенко 18 апреля 2018 г. подписал обращение к патриарху Варфоломею о предоставлении автокефалии Православной Церкви Украины – вопреки тому, что сама УПЦ МП этого не желала, и этот акт был нарушением ст. 35 Конституции Украины, то есть вмешательством государства в церковные дела. Порошенко прямо указал на политическую подоплеку, заявив в Верховной раде, что вопрос автокефалии – это «вопрос национальной безопасности и нашей

обороны в гибридной войне». 20 апреля 2018 г. Синод КП принял к рассмотрению обращение, а 27 июля в Киев передали весть о согласии Константинополя на предоставление автокефалии Украинской Церкви, которой в реальности не существовало...

Осенью 2019 г. последовало признание УПЦ со стороны Элладской Православной Церкви, а затем и Александрийской Православной Церкви.

В СМИ сообщалось о сильном давлении на иерархов со стороны правительства Греции, от которого обе Церкви зависят в финансовом отношении, а также со стороны политических кругов США. Примером такого рода давления называлось в ноябре 2019 г. «письмо Байдена», кандидата в президенты США от Демократической партии, обращенное уже к патриарху Феофилу III, главе другой «греческой Церкви» – Иерусалимской Православной Церкви, с призывом признать созданный П. Порошенко и патриархом Варфоломеем неканонический церковный институт на Украине. Однако патриарх Феофил и влиятельное Святогробское братство (Братство Святого Гроба с 313 г. объединяет епископов и монахов, управляющих каноническим имуществом Иерусалимского патриархата) не пошли на уступки. Еще в январе 2018 г. патриарх Феофил отменил встречу с экс-президентом П. Порошенко, взамен приняв группу верующих УПЦ МП, канонической Православной Церкви Украины.

Более того, во время визита в Москву в ноябре 2019 г. патриарх Феофил в беседе с российским президентом В.В. Путиным и патриархом Московским и всея Руси Кириллом выступил за укрепление единства православного мира. Он предложил созвать в скором времени совещание глав Православных Церквей для обсуждения создавшейся ситуации.

Документы, относящиеся к событиям вчерашних дней, видимо, не скоро будут рассекречены и опубликованы. Однако если это произойдет, историки Церкви и международных отношений, без сомнения, обнаружат интересные подробности принятия решений о создании «независимой Украинской

Церкви», в частности, причины изменения позиции КП и лично патриарха Варфоломея.

Вторжение Фанара на каноническую территорию РПЦ иногда представляют как ответную реакцию КП на якобы инспирированный МП срыв Критского «собора». Но мы как раз пытались показать, что и совещание на Крите, и дарование украинской автокефалии, как и ранее «эстонский кризис», есть этапы последовательной политики глав КП, опиравшихся на внешнюю поддержку.

Внешний фактор в межцерковном конфликте

В современном глобальном мироустройстве конфликты и нестроения во вселенском Православии стали отражением трансформации мирового порядка, выражением напряжения между процессами глобализации и регионализации, интеграции на принципах либерализма или верности национальному суверенитету (государственному и духовному). Недаром почти абсолютно совпадают по времени активизация религиозно-политического или церковно-политического факторов и напряженность в отношениях СССР и Запада, РФ и США или Востока и Запада.

В то же время, и попытки ревизии основ организации Православной Церкви проводятся с оглядкой на новейшие идеи в международной жизни. Нынешний глава КПЦ прилагает все силы для укрепления своих позиции как самостоятельного игрока в мировой политике, вполне равного папе Римскому. Он стремится соответствовать современным нормам международной жизни, публично поддерживает мусульманских мигрантов в Европе, демонстрирует заботу об экологии, следуя примеру папы Римского Франциска.

Еще в 1994 г. патриарх Варфоломей при выступлении в Европейском парламенте сравнил устройство Церкви с субсидиарной моделью Евросоюза: «Поразительно, что поистине глубоко демократическое устройство Православной Христианской Церкви с высокой степенью административной автономии и суверенитета епископов, патриархатов и автокефальных Церквей и одновременно евхаристическим единством

в вере, является одним из видов той модели, которую недавно Европейский Союз установил под именем принципа субсидиарности в качестве наиболее целесообразного метода структурирования своих полномочий». Приводя и анализируя это и другие высказывания иерархов КП, священник Павел Ермилов делает вывод: «Поскольку принцип государственного суверенитета признается более не отвечающим новой ситуации глобальной взаимозависимости, то и с церковным суверенитетом должно быть покончено»¹. В свете такого подхода КП более понятной становится смысл проведения Критского собрания: отказ от идеи церковной независимости сметет автокефальную структуру Православной Церкви и заменит ее церковным подобием ЕС. Этому не противоречит и автокефалия Украинской Церкви, поскольку, как считает священник П. Ермилов, «новоевропейская модель» автокефальной структуры на Украине «мыслится как региональный элемент более крупной, интегральной надцерковной структуры» – Вселенского патриархата².

По-своему понимает логику развития политической и конфессиональной ситуации в регионе католический архиепископ Йозеф (Барон). Он считает, что ее нельзя постичь без учета «амбивалентного и противоречивого положения дел между украинским и русским мирами, посредине которых веками находился Ватикан вместе с Польско-Литовским королевством, а в 2000-е годы к такой середине, верно не в церковном, а политическом смысле, уже открыто присоединились США» [Йозеф (Барон) 2019, 138].

Почему США оказались замешанными в проблемы отношений между КПЦ и РПЦ? Прежде всего, укажем на очевидную значимость религиозного фактора в политической жизни США, начиная с первых лет существования американского государства, созданного религиозными переселенцами как светское государство христианской нации

¹ Ермилов, Павел, свящ. Украинская автокефалия как начало реформы регионального уровня церковной структуры // Выступление на международной конференции ПСТГУ 25.02.2019.

² Там же.

с запретом утверждения одной государственной и национальной религии.

Спустя три столетия в Белом доме президенты еще приносят присягу на Библии, но христианская система ценностей вытеснена в американском обществе иными, либеральными ценностями. Примеров тому масса, но к нашей теме имеет отношение такой: в 2018 г. в Киеве посол США М. Йованович вместе с 60-ю сотрудниками посольства и членами их семей приняла участие в параде ЛГБТ-сообщества, держа в руках американский флаг.

После распада СССР ключевым элементом политики США в регионе стал отрыв Украины от России и превращение Украины в бастион против России. Этапами в этой политике являлись «оранжевая революция» 2004–2005 гг., Бухарестская декларация 2008 г., которая обещала Украине членство в НАТО, государственный переворот в феврале 2014 г. и раскол Украинской Церкви в 2018–2019 гг.

Идею украинской автокефалии открыто поддержали американской госсекретарь М. Помпео, посол США по вопросам религиозной свободы С. Браунбэк, спецпосланник США по Украине К. Волкер и американская посол М. Йованович. Откровенная политизация религии не смущает деятелей светского государства. Показательно, что М. Помпео позвонил новоизбранному главе Православной церкви Украины «митрополиту» Епифанию, а М. Йованович поздравила его лично. По мнению Дж. Джатраса, «есть основания полагать, что Госдепартамент не ограничился исключительно рекомендациями и наставлениями. Ходили разнообразные слухи о финансовой подоплеке решения Константинополя по автокефалии...» А нападки на Православную Церковь Украины МП, – делает вывод американский автор, – «это еще один логичный и хорошо просчитанный элемент агрессивной программы» [Джатрас 2018, 177]. Объектом этой программы является Россия. Стоит согласиться с выводом Дж. Джатраса: «Участие США в ситуации с украинской церковью не связано с Украиной и ее гражданами. Дело во враждебности к России, что, в свою очередь, отражает стремление Вашингтона

к мировому политическому и моральному господству. Разрушить духовные связи Украины с Россией также важно, как разорвать политические связи двух государств и включить Украину в антироссийской фронт НАТО» [Джатрас 2018, 183]¹. В руках Петра Порошенко Церковь на Украине стала инструментом политики для подрыва религиозно-культурной идентичности народа Украины, а также для подкрепления легитимности своего режима. Какой станет церковная политика нового президента Украины пока неясно.

Предварительные выводы

Отметим очевидное: религия и религиозный фактор остаются реальностью современного мира. Религия как особое мистическое переживание за гранью повседневности остается личным опытом отдельного человека, но религия как формализованная институциональная структура, имеющая социальное, политическое и экономическое измерение, вносит свой вклад в общественное и мировое развитие, способствуя его стабилизации, а иногда – дестабилизации.

Пока можно констатировать, что в продолжающемся противостоянии в мировой политике (втором издании мировой «холодной войны») против РФ используются самые разнообразные средства, одним из которых стал удар по РПЦ – попытка сузить пространство ее деятельности и превратить ее в «Православную Церковь в РФ», для чего были использованы КП и церковный кризис на Украине. В геополитическом

¹ Уместно вспомнить доклад русского дипломата, барона Н.Е. Торнау, составленный в августе 1854 г. и представляющий собой анализ принципов русской и британской дипломатии на Ближнем Востоке. По мнению Н.Е. Торнау, в отличие от энергичных и не всегда оправданных мер, к которым прибегали британские политики и дипломаты, «Россия всегда действовала уступчиво, не желая никаким дипломатическим действием навлечь на себя даже сомнение в принятии мер к противоборству английской политике и к поколебанию влияния Англии на владения, подчиненные ее власти»; в своей «наивной доверчивости» Россия «полагала необходимым действовать откровенно, с благородством, без вмешательства в чужие дела, но забыла, что имеет дело с врагом коварным, который для укрепления своего могущества стремится прежде всего к потрясению и за сим к разрушению могущества и влияния своих соперников» [цит. по: Смирнова 2015, 335].

измерении это есть этап «гибридной войны» не только против государства России, но и человеческой общности Русского мира, а в конфессиональном измерении – продолжение разобщенности христианства, противоборства между православием Востока и католицизмом, а также англо-саксонским протестантизмом Запада.

Еще не так давно «никто, кроме особо харизматичных людей и спецслужб Запада, не полагал, что независимость Украины после распада СССР станет особым инструментом ослабления России, орудием вражды между двумя братскими народами – русским и украинским, – писал в 2019 г. католический архиепископ Йозеф (Барон). – Никто себе не представлял, что они со стороны “элит” США и западного мира станут объектом особой манипуляции» [Йозеф (Барон) 2019, 131]¹.

Очевидно, что это во вторую очередь – церковный конфликт, а в первую очередь – конфликт геополитический. Нынешней администрацией США не разделяется мнение Г. Киссинджера о том, что «ни одна страна, действуя в одиночку, не в состоянии сформировать мировой порядок», но для «установления подлинного мирового порядка» необходимо сочетание ценностей глобальных и национальных, «модернизация Вестфальской системы за счет наполнения ее современными реалиями» [Киссинджер 2015, 484]. Скорее, им ближе точка зрения Р. Хааса, в 2017 г. предположившего: «Вполне возможно существование такого мирового порядка, в котором не будет стабильности или который не является желательным» [Хаас 2019, 24].

Наблюдаемый раскол мирового православия, конфликт КП и МП, противостояние Украины и России как раз вписываются в такого рода грядущий «мировой беспорядок». Честолюбивые амбиции патриарха Константинопольского

¹ «Необходимо добавить и мысль о том, – замечает Йозеф (Барон), – что возвращение Крымского полуострова с Украины в Россию, точнее, “непризнание” самого факта западным миром – это особое воспоминание и о Крымской войне, – войне ведущих западных держав с Россией, некая “вариация” этой войны, разразившейся еще в середине XIX века» [Йозеф (Барон) 2019, 144].

Варфоломея, которые пришлось так кстати для Вашингтона, вызвали к жизни процессы нестроения во вселенской Православной церкви и усугубили общественно-политический и церковный раскол на Украине. Еще ранее объектами открытого давления становились православные общины в Сербии и на Ближнем Востоке. Понадобятся десятилетия для заживления нанесенных ран.

Нельзя не отметить в качестве объективного следствия конфликта между церковными структурами КП и МП и попытку разрыва цивилизационного пространства на территории бывшего СССР и Восточной Европы: православные народы Грузии и Украины, Болгарии и других балканских стран по политическим мотивам направляются своими властями – при активной поддержке извне – в пространство иноцивилизационное, Запада. Насколько обратимы эти процессы, покажет время.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти: 1917–1943. М.: ПСТБИ, 1994. 1064 с.

Документы Святого и Великого Собора Православной Церкви. Крит, Пятидесятница (16–27 июня) 2016 г. М.: Благодетельство, 2017. 160 с.

ЛИТЕРАТУРА

Барон, Йозеф, архиеп. Православие и Католичество. Богословско-исторические фрагменты. СПб.: Алетейя, 2019. 262 с.

Болотов С.В. Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930–1950-е годы. М.: Крутицкое подворье, 2011. 315 с.

Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь и II Ватиканский собор. Факты. События. Документы. М.: Лепта, 2004. 380 с.

Джатрас Дж. Не церкви ради: зачем Западу украинская автокефалия? // *Россия в глобальной политике*, 2019, № 1. С. 174–183.

Донцев С.П. Религиозно-политический конфликт на Украине в контексте российских проектов «мягкой силы» в 1990–2017 гг. // *Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение*, 2018, № 2. С. 79–91.

Драбинко А.Н. Православие в посттоталитарной Украине (веки истории). Киев, 2002.

Ермилов П.В. Вхождение Константинопольского патриархата в русло внешне политики США в первые годы «холодной войны» // *Проблемы национальной стратегии*, 2016, № 3.

[Иларион (Алфеев), митр.] Визит Святейшего патриарха Московского и всея Руси Кирилла в Константинопольский патриархат // *Журнал Московской Патриархии*, 2009, № 8. С. 18–28.

Киссинджер Г. Мировой порядок / Пер. с англ. В. Желнинов, А. Милюков. М.: АСТ, 2015. 544 с.

Мазырин А., свящ., Кострюков А.А. Из истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей в XX веке. М.: ПСТГУ, 2017. 376 с.

Майнер С. Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика / пер. с англ. В. Артемова. М.: РОС-СПЭН, фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 455 с.

[Муравьев] Андрей Николаевич Муравьев и российская дипломатия на Православном Востоке. Дипломатические записки и переписка / Сост. И.Ю. Смирнова. М.: Индрик, 2019. 608 с.

Общая история Церкви. В 2-х т., 4-х кн. М.: Наука, 2017. 368 с.; 829 с.; 538 с.; 511 с.

Петрушко В.И. История Русской Церкви с древнейших времен до установления патриаршества. М.: ПСТГУ, 2007. 356 с.

Политическое богословие / отв. ред. А. Бодров, М. Толстолуженко. М.: ББИ, 2019. 364 с.

Православная Энциклопедия (ПЭ). Т. 1–50. М.: 2000–2020 (издание продолжается).

Смирнова И.Ю. Россия и Англия в Святой Земле в канун Крымской войны. М.: Индрик, 2015. 400 с.

[Филарет, (Дроздов), свт.] Письма митрополита Московского Филарета к А.Н. Муравьеву. Киев, 1869. 692 с.

Хаас Р. Мировой беспорядок. Американская внешняя политика и кризис старого порядка. М.: АСТ, 2019. 320 с.

Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, 2018. 544 с.

Чибисова А.А. «Украинский вопрос» в отношениях Константинополя и Москвы в начале XXI в. // *Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия*. 2014. Вып. 5 (55). С. 9–25.

Чибисова А.А. Автокефалия «под ключ»: некоторые факты из истории Польской Церкви // *Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви*. 2018. Вып. 81. С. 64–80.

Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече, 2010. 480 с.

Ярема, Ростислав, свящ. Автокефалистские расколы на Украине (УАПЦ и УПЦ КП) в 1990-е годы. Львов, 2006. 27 с.

REFERENCES

Baron, Jozef, archb. (2019) *Pravoslavie i Katolichestvo. Bogoslovskohistoricheskie fragmenty* (Orthodoxy and Catholicism. Theological and historical fragments). Saint-Petersburg. (In Russian transl.).

Bolotov S.V. (2011) *Russkay Pravoslavnyay Tserkov i mezhdunarodnaya politika SSSR v 1930–1950 gody* (Russian Orthodox Church and the international politics of the USSR in 1930s-1950s). Moscow. (In Russian)

Vasileva O.U. (2004) *Russkaya Pravoslavnyaya Tserkov i II Vatikansky Sobor. Fakty. Sobytiya. Dokumenty* (Russian Orthodox Church and Vatican II Council. Datas. Developments. Documents). Moscow. (In Russian).

Jatras J. (2019) Ne tserkvy radi (Not for the sake of the Church) // *Rossiy v globalnoy politike*, vol. 17, no. 1. (In Russian).

Dontsev S.P. (2018) Religiozno-politichesky conflict na Ukraine v kontekste rossiyskikh projektov “maygkoy sily” v 1990–2017 gody (Religious-political conflict in Ukraine in the context of Russian projects of “soft power” in 1990–2017) // *Vestnik RGGU. Polytologiy. Istoriay. Mezhdunarodnie otnoshenia*, no. 2. (In Russian).

Drabinko A.N. (2002) *Pravoslavie v posttotalitarnoy Ukraine (vehi istorii)* (Orthodoxy in post-totalitarian Ukraine: milestones in history). Kyiv. (In Russian).

Ermilov P.V. (2016) Vhozdenie Konstantinopolskogo patriarhata v ruslo vneshnei politiki SShA v pervie gody “holodnoy voyni” (The entry

of the Patriarchate of Constantinople into the mainstream of US foreign policy in the early years of the Cold War). *Poblemy natsionalnoy strategii*, no. 3 (In Russian).

[Ilarion (Alfeev), mitr.] (2009) *Vizit svayteyshego patriarha Moskovskogo i vseay Rusy Kyrilla v Konstantinopolsky patriarhat* (Visit of His Holiness Patriarch Kirill of Moscow and All Russia to the Patriarchate of Constantinople). *Zhurnal Moskovskoy Patriarhii*, no. 8. (In Russian).

Kissinger H. (2015) *World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History*. Moscow. (Russian transl.).

Mazyrin A.V., Kostryukov A.A. (2017) *Iz istorii vzaimootnosheniy Russkoy i Konstantinopolskoy tserkvey v XX veke* (From the history of relations between the Russian and Constantinople Churches in the 20th century). Moscow. (In Russian).

Miner S.M. (2010) *Stalin's Holy War Religion, Nationalism, and Alliance Politics, 1941–1945*. Moscow. (Russian transl.).

[Muravyov] (2019) *Andrey Nikolaevitch Muravyov i rossiyskay diplomatiya na Pravoslavnom Vostoke. Diplomatichskie zapiski i perepiska*. (Andrei Nikolaevich Muravyov and Russian Diplomacy in the Orthodox East. Diplomatic notes and correspondence) Moscow. (In Russian).

Obschaya Istoriya Tserkvi (General History of the Church). (2017) In 2 vols., 4 books. Moscow. (In Russian).

Petrushko V.I. (2007) *Istoria Russkoy Tserkvi s drevneyshih vremen do ustanovleniy patriarshestva* (The history of the Russian Church from ancient times until the establishment of the patriarchate). Moscow. (In Russian).

Politychskoe Bogoslovie (Political Theology). (2019) Moscow. (In Russian).

Pravoslavnaya Entsiklopedia (Orthodox Encyclopedia). 2000–2020. Vols. 1–54. (in cont.) Moscow. (In Russian).

Smirnova I.U. (2015) *Rossia i Angliya v Svaytoy Zemle v kanun Ckymyskoy voiny* (Russia and England in the Holy Land on the eve of the Crimean War). Moscow. (In Russian).

[Filaret Drozdov]. (1869) *Pisma mitropolita Moskovskogo Filareta k A.N. Muravyovu* (Letters from Metropolitan of Moscow Filaret to A.N. Muravyov). Kyiv, (in Russian).

Haass R. (2019) *The World Disarray: American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order*. Moscow. (Russian transl.).

Huntington S. (2018) *Who We are? The Challenges to America's National Identity*. Moscow. (Russian transl.)

Tchibisova A.A. (2014) "Ukrainsky vopros' v otnosheniah Constantinopolay i Moskvi v natchale XXI veka (The "Ukrainian Question" in the Relations of Constantinople and Moscow at the Beginning of the 21st century). *Vestnik PSTGU, Ser. I*, issue 5 (55) (In Russian).

Tchibisova A.A. (2018) Avtokefaliya "pod kluytch": nekotopye fakty iz istorii Polskoy tserkvi (Autocephaly is done: some facts from the history of the Polish Church). *Vestnik PSTGU, Ser. II*, issue 81 (In Russian).

Shkarovsky M.V. (2010) *Russkay Pravoslavnyay Tserkov v XX veke* (Russian Orthodox Church in the 20th century). Moscow. (In Russian).

Yarema R. (2006) *Avtokefalistskie raskoly na Ukraine (UAPTS i UPTS KP) v 1990e gody* (Autocephalous splits in Ukraine (UAOC and UOC-KP) in the 1990s). Lviv. (In Russian)

ОБ АВТОРАХ

ДРУГОВ Алексей Юрьевич – д.п.н., главный научный сотрудник ИВ РАН. Окончил Восточный факультет МГИМО МИД СССР в 1960 г. В Индонезии работал военным переводчиком в центре подготовки индонезийских подводников (1961–1962) и в Советской военной миссии (1962–1964). По возвращении в Москву преподавал в Военном институте иностранных языков (1964–1965); с 1966 по 1991 г. работал в Международном отделе ЦК КПСС (от младшего референта до заместителя заведующего сектором), а с 1991 г. – в ИВ РАН. В 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию по истории «*Политическое развитие Индонезии в 1965–1971 гг.*», в 1999 г. – докторскую диссертацию по политологии «*Политическая культура и политический процесс в независимой Индонезии (1945–1998)*». Автор около двух сотен научных работ, в том числе 7 монографий.
E-mail: alexdrugov37@yandex.ru.

КОСАЧ Григорий Григорьевич – д.и.н., профессор Факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. Специализируется на изучении политических процессов в арабском мире, российской политики на Ближнем Востоке, общественно-политическом развитии Саудовской Аравии. Автор более 150 научных трудов, включая монографии: «*Красный флаг над Ближним Востоком?*» (2001); «*Коммунисты Ближнего Востока в СССР. 1920–1930-е годы*» (2009); «*Внешняя политика Саудовской Аравии. Приоритеты, направления, процесс принятия решения*» (М.: ИИБВ, 2003; в соавт. с Е.С. Мелкумян); «*Саудовская Аравия: политические процессы 1990–2000-х гг.*» (2013); «*Российско-саудовские отношения: политический аспект. 1990–2015 гг.*» (2016).
E-mail: g.kosach@mail.ru

САРАБЬЕВ Алексей Викторович – к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН. Окончил Естественно-географический факультет ЯГПУ (1996) и Историко-филологический факультет ПСТБИ (2003). По окончании аспирантуры ИВ РАН защитил в 2008 г.

кандидатскую диссертацию по истории, в 2017 г. окончил докторантуру ИВ РАН с темой «Межконфессиональные отношения на Ближнем Востоке на примере Сирии и Ливана». Член РГО, входит в состав Совета Московского отделения ИППО. Эксперт Дискуссионного клуба «Валдай». Автор научных статей по истории и социально-политическим вопросам Ливана и Сирии, глав в коллективных монографиях. Руководитель межотдельской научной лаборатории ИВ РАН «Религия и общество на Востоке» и главный редактор одноименного периодического издания. Автор книг: «Дома, за рубежом. Миграции христиан Сирии и Ливана (вторая половина XIX – первая половина XX в.)» (2012); «Марониты: традиции, история, политика» (2013; в соавторстве с М.А. Родионовым. В 2019 г. издана в Ливане на англ. яз.); «Христиане Ближнего Востока: вчера, сегодня... завтра?» (2017).
E-mail: alsaraby@ivran.ru

СЛЕДЗЕВСКИЙ Игорь Васильевич – д.и.н., заведующий Центром цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН. В 1963 г. окончил Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию «Современные хауса Северной Нигерии» в Институте Африки АН СССР, а в 1990 г. – докторскую диссертацию «Социоисторические структуры Западной Африки. Проблемы взаимоотношений местных социальных организмов и исторической среды» в Институте востоковедения АН СССР. С 1967 г. работает в Институте Африки, специализируется по социальной истории Африки, этносоциологии и теории цивилизаций. Сотрудник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина.
E-mail: igor25011904m@yandex.ru.

СТЮАРТ Филип – PhD, старший научный сотрудник Фонда Кеттеринга (США), секретарь правления Института устойчивого диалога и почетный профессор Университета штата Огайо. С 2012 г. – советник директора израильского Форума гражданского согласия. Исполнительный директор

(с 1972 г.), а с 2000 – сопредседатель российско-американской Дартмутской конференции.

ЯКОВЛЕВ Александр Иванович – д.и.н., профессор кафедры региональных проблем мировой политики Факультета мировой политики МГУ им. Ломоносова и профессор Исторического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. В Институте востоковедения РАН работает с 1970 г., ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований. В 1976 г. окончил Московский областной педагогический институт им. Н.К. Крупской, в 1980 г. защитил кандидатскую, а в 1999 г. докторскую диссертации. Сферы научных интересов: социально-экономического развитие нефтяных монархий Аравии, модернизация стран Востока, Ближний Восток в цивилизационном измерении, история России в XIX и XX веках. Автор около ста научных статей и 29 книг. E-mail: aliv_yak@mail.ru.

ВА'ЭЗ Нафисе – доцент Факультета политологии Исламского открытого университета (Азад), отделение Шахреза (Исфахан, Иран). E-mail: vaezsh85@iaush.ac.ir

ABOUT AUTHORS

DRUGOV Aleksei Yurievich – Doctor in Politology, Chief Researcher, Institute of Oriental Studies of RAS. He graduated from the Oriental Department of Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs in 1960. He worked in Indonesia as a military translator at the Training center for Indonesian submariners (1961–1962) and in the Soviet military mission (1962–1964). Upon returning to Moscow, he taught at the Military Institute of Foreign Languages (1964–1965); From 1966 to 1991 he worked in the International Department of the Central Committee of the CPSU (from junior assistant to deputy head of the sector), and since 1991 he work in the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. In 1972, he defended his doctoral dissertation in history titled “Political Development of Indonesia in 1965–1971,” and in 1999, his doctoral dissertation in political science, “Political Culture and Political Process in Independent Indonesia (1945–1998)”. The author of about two hundred papers, including 7 books. E-mail: alexdrugov37@yandex.ru.

KOSACH Grigory Grigoryevich – Doctor in History, Professor, Faculty of World Politics, Moscow State University. He specializes in studying political processes in the Arab world, Russian politics in the Middle East, and socio-political development of Saudi Arabia. The author of more than 150 scientific works, including the monographs: “The Red Flag Over the Middle East?” (2001); “Communists from the Middle East in the USSR, 1920–1930s”(2009); “Foreign Policy of Saudi Arabia: Priorities, directions, decision-making process ”(Moscow, 2003; co-authored with Elena S. Melkumyan); “Saudi Arabia: Political Processes 1990–2000” (2013); “Russian-Saudi relations: a political aspect, 1990–2015” (2016). E-mail: g.kosach@mail.ru

SARABIEV Aleksei Viktorovich – PhD, Leading Researcher at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. He graduated from the Faculty of Natural Sciences of the Yaroslavl State Pedagogical University (1996) and then the Faculty of History and Philology of the Orthodox St. Tikhon Theology Institute (Moscow, 2003).

At the post-graduate school at the Institute of Oriental Studies of RAS, he defended his PhD in History. He is a member of the Russian Geographical Society; member of the Council of the Moscow branch of Imperial Orthodox Palestinian Society; expert of the Valdai Discussion Club. Author of a several dozens of papers on the history and socio-political issues of Lebanon and Syria, as well as number of chapters in collective monographs. The Head of the interdivisional research laboratory "Religion and Society in the East" at IOS RAS and the Editor-in-Chief of the periodical with the same title. Author of books: "At Home, Abroad. Migration of the Christians of Syria and Lebanon (second half of the XIX – the first half of the XX century)" (2012); "Maronites: Traditions, History, Politics" (2013; co-authored with Mikhail A. Rodionov. In 2019, published in Lebanon in English); "Christians of the Middle East: Yesterday, Today... Tomorrow?" (2017). E-mail: alsaraby@ivran.ru.

SLEDZEVSKY Igor Vasilievich – Doctor in History, Head of the Center for Civilizational and Regional Studies, Institute of Africa, RAS. In 1963 he graduated from the Faculty of History of Moscow State University. In 1967 he defended his doctoral dissertation "Modern Hausa of Northern Nigeria" at the Institute of Africa, Academy of Sciences of the USSR, in 1990 he defended his doctoral dissertation "Sociohistorical Structures of West Africa. Relations between local social organisms and the historical environment" at the Institute of Oriental Studies, Academy of Sciences of the USSR. Since 1967 he has been working at the Institute of Africa, specializing in the social history of Africa, ethnosociology and the theory of civilizations. Fellow of the Leningrad State University. E-mail: igor25011904m@yandex.ru.

STEWART Philip – PhD, Senior Associate at the Kettering Foundation, Board Secretary at the Sustained Dialogue Institute, and Professor Emeritus at The Ohio State University. Since 2012 he is an Advisor to the Director of the Citizens' Accord Forum in Israel. Executive Director (since 1972), and since 2000 – Co-Moderator of the Dartmouth Conference.

VAEZ Nafiseh – Associate Professor, Department of Political Science, Shahreza Branch, Islamic Azad University, Isfahan, Iran. E-mail: vaezsh85@iaush.ac.ir

YAKOVLEV Alexander Ivanovich – Doctor in History, Professor, Department of Regional Problems of World Politics, Faculty of World Politics of the Moscow State University and professor at the Faculty of History of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Since 1970, he has been working at the Institute of Oriental Studies of RAS – a Leading Researcher at the Center for Arab and Islamic Studies. In 1976 he graduated from the Moscow Regional Pedagogical Institute, in 1980 he defended his PhD, and in 1999 a doctoral dissertation. Field of research interests: socio-economic development of the oil monarchies of Arabia, modernization of the East, the Middle East in the civilizational dimension, the history of Russia in the XIX and XX centuries. Author of about one hundred papers and 29 books. E-mail: aliv_yak@mail.ru.

ABSTRACTS

Alexander I. YAKOVLEV. The Crisis in Relations Between the Patriarchates of Constantinople and Moscow in the Context of World Politics of the XX–XXI centuries

The author analyses the main confessional and political aspects of the conflict between the two Patriarchates—of Constantinople and Moscow, which escalated in 2018–2019 in connection with the provision by Constantinople of autocephaly of the Ukrainian Orthodox Church. Attention is drawn to the increase in the religious (civilizational) factor in world politics and its use in modern international relations. The historical prerequisites of this conflict are named, such as the problem of Church autocephaly and the formation of national Churches, a change in world order at the beginning and at the end of the 20th century. Particular attention is paid to the claims of the Patriarchate of Constantinople in the Orthodox world, its persistent attempts to affirm their supremacy in relation to all other ancient and new Churches. A significant role in such a policy was played by the personalities of the heads of the Patriarchate of Constantinople in the 20th century. The sources of conflicts are shown between Constantinople and Moscow, in particular on the Ukrainian issue, and the attempts of both sides in the second half of the 20th century to improvement of relations. Attention is drawn to the relationship of the Cretan Council of several Orthodox Churches in 2016 and the subsequent decision of Constantinople on the autocephaly of the Ukrainian Church. The author reveals the sense of using religious issues by the UK and the USA in their policies of containing and weakening Russia. Thus, the crisis in relations between the two parts of the Oecumenical Church has not only a purely church (ecclesiological) significance, but has also become part of the process of transformation of the world system of international relations in the 21st century.

Keywords: religion, Orthodox Church, Moscow Patriarchate, Patriarchate of Constantinople, Ukrainian Orthodox Church, autocephaly, national Church, Cretan Council, schism.

Aleksei V. SARABIEV. Russian Influence on Middle Eastern Church Affairs: 120 years ago

Several years before and after the onset of the 20th century became the “golden time” in the history of our country's foreign policy regarding Russian influence on church affairs in the Middle East. The author highlights the key points that make it possible to characterize that period in this way. Some obvious successes of foreign religious policy were manifested,

in particular, in the sphere of lobbying the candidatures of Church hierarchs on the Orthodox throne of Antioch and even on Constantinople. An important milestone in the religious policy of the Russian Empire abroad was the success of the election in the spring of 1899 to the Antiochian patriarchal throne of the first Arab patriarch Meletius II Dumani. Soon the “russophile” party won the elections of the Patriarch of Constantinople, when in May 1901 Joachim III, famous for his alleged pro-Russian views, ascended the throne. Many years of ostracism followed towards the Antiochian Arab hierarchy (slowly strengthening) from the side of Greek hierarchies of the Patriarchates of Constantinople, Jerusalem and Alexandria. At the same time, the educational activity of the IOPS remained in the foreground of Russian influence, which would weaken only by the beginning of the First World War. The lack of church cadres for the Arab hierarchy of bishopric chairs of the Antioch Church and Russia’s participation in their preparation, the painful issue of confessional transitions in different regions, the connection of church affairs with international political competition in the Middle East, are considered by the author on the basis of archival documents. Russian diplomats closely monitored inter-confessional relations in the region, especially issues associated with the Orthodox community, apparently considering it to be partly their area of responsibility. This was due, among other things, to the rivalry of foreign missions “for souls” in the Middle East territories. The ups and downs of inter-religious relations and the distinct confessional protectionism of French, British, Italian, German and other Western diplomats are also reflected in the reports of the Russian consuls, who worthily defended the interests of the Russian Empire in the Middle East in the last years of the 19th and early 20th centuries. The turning to the topic of foreign religious politics in the historical dimension provides rich material for the analysis of both the positive consequences of such an influence and political miscalculations along this path. It also sheds light on many contemporary issues of inter-church interaction.

Keywords: foreign religious policy, external influence, church hierarchy, interfaith relations, Arab Christians, Orthodox Church, Middle East, Russian Empire, Ottoman Empire.

Grigory G. KOSACH. Russia’ “Islamic” Diplomacy: Organization of Islamic Cooperation

The article discusses one of the modern Russian foreign policy trends – the emerged in the early 2000s clear line to establish and develop

relations with the Organization of Islamic Cooperation – the OIC (originally the Organization of the Islamic Conference). OIC unite Muslim countries of the world. As for the reasons that aroused Moscow's interest in interacting with this organization, the author underlines the intensifying Russian contacts with the Arab states of the Gulf zone, primarily with Saudi Arabia. This interest was determined, on the one hand, by economic considerations, and on the other, by the situation in the “Muslim” regions of the Russian Federation (in particular, in the North Caucasus). The development of religious activism and the reality of military operations on the territory of Chechnya the second half of the 1990s predetermined Moscow's view of the OIC as an instrument to mitigate the internal “Muslim” challenge. At the same time, the possibility of establishing relations with the OIC (created and financially supported by Saudi Arabia) required the development of relations between Moscow and Riyadh. The evolution of these relations, characterized by the author as “conflict interaction”, determined the Russian course towards the OIC throughout the time of the beginning of the XXI century. The Saudi factor, as it is assessed in Moscow, became decisive for Russian “Islamic” diplomacy even after Russia officially joined (2005) the OIC as an observer country. Fluctuations in relations with Riyadh also determined the Russian approaches to relations with the OIC, which varied between the freezing of ties and the pragmatism in relations with this organization after 2017 after King Salman bin Abdel Aziz' visit to the Russian capital.

Keywords: Organization of Islamic Cooperation, Russia, Saudi Arabia, Russian-Saudi Political Interaction, Russia' Economic Ties with the countries of Islamic World, Russian Moslem Community, Chechen Republic, Tatarstan.

Igor V. Sledzevski. The Struggle for True Faith: Religious Revolution in Black Africa

The main issue of the article is the role of the world's largest religions – Christianity and Islam in the cultural self-determination of the peoples of Tropical Africa in the XX – early XXI c. The author poses the problem of revolutionary changes and new opportunities of cultural self-determination of Tropical Africa, which open to modern generations of Africans in the context of changes in the confessional space of the region and the global rise of movements for religious revival. It includes the phenomenon of world religious revival, his connection with globalization processes, formation of the multi-polar, poly-cultural world. The subject of the research

is the role of Christianity and Islam in the self-determination of the Black Africa people at the present stage of the world religious revival, the rise of religious nationalism, the denial of westernization of non-Western societies as a universal and purely secular model of social modernization. The purpose of the study is to discuss the issue of new opportunities for religious self-determination in Black Africa, which pave to its population the way of changes in the confessional space of the region and the global rise of movements for religious revival (Islamic fundamentalism, “southern Christianity”) that appear as anti-secular, anti-Western movements. The main factors and processes of filling the cultural self-determination of the peoples of Tropical Africa with religious content are considered: the trends of de-secularization of the world community; the evolution of the principles and values of African syncretic religions in the direction of universal dogmas of world religions; the processes of religious mobilization of social groups and segments of the African population; the strengthening of the role of the religious component in the cultural identity of Africans. It is concluded that in the civilizational development of the region there is a religious and cultural turn.

Keywords: Islam and Christianity, modern post-secular world, changes in the confessional structure of the population of Tropical Africa, cultural and religious self-determination of the peoples of Tropical Africa, African religious syncretism and its evolution, religious revolution religious mobilization, Afro-Christian and Islamic-African identity.

Philip STEWART. Peacekeeping in Israel: Towards an Open Society in Sustainable Democracy

The article discusses the opportunities and challenges faced by one of efforts for deepening democratic path in Israel, the Citizens Accord Forum (CAF) founded in 2002. The author has been an informal partner and advisor to the CAF director for the past eight years. The Forum conducts a range of projects, including an Arab-Jewish newspaper, a multi-ethnic youth center, work with the Knesset, the only large-scale public meeting regularly attended by prominent Jews and Arabs, known as the Jaffa Convention, as well as dozens of on-going groups of Arabs and Jews using deliberative dialogue to address or manage practical problems in their communities. The more precise formulation of CAF’s objectives is a shared society in a sustainable democracy. CAF understands democracy as a system of governance in which power comes from the ability of citizens to decide and act on shared concerns – beginning in

their communities – and thus work to shape their common future, both through what they do with other citizens and through their institutions. The shared society and the sustainable democracy, are interdependent elements.

Keywords: deliberative civil dialogue, civil values, religious freedom, equality and liberty, shared society, sustainable democracy, Citizens Accord Forum, Israel.

Nafiseh VAEZ. The Impact of Pilgrimage Trips on Iran's Regional Policy and on Its Relations with Renewed Iraq

In focus of the article is the effect of Iranian Shiite pilgrimage trips to Iraq on Iran's regional politics, as well as on Iran's relationship with a renewed Iraq. The author uses elements of a descriptive-analytical method, as well as a synthesis of the theory of Flemish leadership criteria, the theory of a functional imperative for Mitrani's collaboration, and the constructivist theory of the impact of social norms on the political behavior of actors. The research hypothesis is that, due to the influence of Shiite identity on Iran's policies by a significant part of the region's population, pilgrimage trips created an imperative for cooperation between the two countries: strengthening Iran-Iraq relations, they will create the prerequisites for the implementation of the policy of Islamic unification in the Middle East based on the experience of deep interactions with Iraq. This experience indicates that the most important functions of pilgrimage trips for the regional policy of Iran and Iran-Iraq relations are as follows: creating a basis for Islamic convergence, rethinking the concept of "Islamic identity" and using the cosmopolitan function of spiritual travel, turning the borders of war into the borders of the world, and Iran's failure from the revival of previous political differences and reliance on soft power politics in a renewed Iraq, the influence of pilgrim spirituality on the spread of the idea of non-violence and is tired the emergence of peace in the region, participation in the reconstruction of Iraq with an emphasis on the reconstruction of the tombs of Shiite imams in Baghdad, Najaf and Karbala. Iran's policy towards Iraq is formalized using constructivist analysis based on the priority of the rule over interests.

Keywords: pilgrimage, religious tourism, regional politics, political power, Iran, Iraq, Shiite culture.

Aleksei Yu. DRUGOV. Moslem Radicalism and Terrorism in Indonesia Today

Based mainly upon materials from Indonesian press and by Indonesian authors, the paper shows that religious radicalism and terrorism as its extreme form are resulting mostly from social and economic factors. The main are social inequality and disparity in the development of regions. The external factor plays their role too. The Islamic extremism is generated among other reasons by the threat of unipolar world policy pursued by the USA. The article deals also with steps taken by the present Indonesian government, both political and by force to meet the threat of radicalism and terrorism. The main author's conclusion is that the way to overcome radicalism and terrorism lays in overcoming its roots. The government of President Joko Widodo is taking certain steps considering that in Indonesia disparities of social and economic development often coincide with geographic factors, while confessional differences are overlapping them. The government is developing the infrastructure to provide progress of most remote regions. Several programs are aimed at rising education level, wellbeing and health facilities for poorest Indonesians. The government warns against connecting terrorism with Islam religion which is inseparable part of the world civilization. Indonesia itself especially under President Abdurrahman Wahid who was distinguished Moslem leader (1999-2001) proved that Islam and democratic reforms do not confront each other.

Keywords: Islam, religion, radicalism, terrorism, social roots, inequality, contradictions, intolerance, democracy.

One Informant Report (1920) on the Situation in Turkey

Publication of the archival document; foreword and comments by Aleksei V. SARABIEV.

As the core of this paper is presented the publication of one small secret intelligence report from Istanbul (September 1920). The document contains a meeting description accompanied by the transmission of the conversation between the US military representative and the head of the Ottoman government (Grand Visir) in Istanbul during the difficult period for Asia Minor—with both duarchy and large-scale foreign intervention. The structure of the paper includes a detailed commentary on the published archival document with a brief author's introduction. The commentary gives an outline and some details of the historical background of the events of that time, in which Russia, also torn apart by the civil

war and intervention, was indirectly involved. The growing influence of the United States in military-political conflicts in the regions of the Black and Mediterranean Seas is emphasized. The main focus of the comments is done on the religious argument in proving the military activity and political competition of the world powers in Asia Minor. The religious and confessional aspect of social instability is also highlighted as significant, although it was subordinated mainly to the phenomena that act as the leading factors of civil confrontation in the Asia Minor territories of the former Ottoman Empire—the national-political, economic (struggle for concessions), as well as the Ottoman wars with so-called Christian powers and the ensuing direct military intervention.

Keywords: interventions, religious factor, interfaith clashes, Entente, Ottoman Empire, Turkish Republic, USA, Russia, Crimea, Treaty of Sevres, Pyotr N. Wrangel, Damad Ferid Pasha.

IN THE PAST ISSUES

TO READERS, or Endless Talk about the Study of the East, by *Aleksei V. Sarabiev*

To the fundamentals of the methodology for studying traditional communities of the East (extended transcript of the round table, IOS RAS, December 18, 2017)

Leonid B. Alaev. Was there a community? (Interview)

Aleksei V. Sarabiev. Interfaith relations in the light of deprivation theory versions

Leonid I. Medvedko. Three circles of Russian Eurasianism in the dichotomy of the East–West

Veniamin V. Popov. Eurasian essence of the Russian civilization

Mahdi Salihi, Mohammad Masjed-Jame'i, Ahmad Mokri. Islamic-Christian dialogue in modern Iran: a problematic analysis

Ildar Kh. Minyazhetdinov. Politics of the Vatican in the modern Islamic world: on the issue of the strategy of ecumenization of traditional Islam

Sergey L. Kuzmin. Buddhism and socialism: a comparative analysis of interactions in the USSR, TNR, Mongolia and the PRC

Elena S. Lepekhova. The religious aspect of the legitimization of the status of women empresses in the Far East (Wu Hou and Koken)

Lebanese society through the eyes of the Maronite Patriarch Boulos Meoushi: two reports of Swiss ambassadors to Beirut Preparation, translation and comments by *Aleksei V. Sarabiev*

For references: *Religion and Society in the East*, 2019, Vol. III (Ed.-in-Chief Aleksei V. Sarabiev; Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow), 374 p. ISSN 2542-1530; ISBN 978-5-89282-780-5.

Issue II (2018)

TO READERS, or the Historicity of Actual Problems and the Relevance of Historical Retrospection, by *Aleksei V. Sarabiev*

Alexander V. Demchenko. Clans in Gaza Strip Politics

Grigory G. Kosach, Elena S. Melkumyan. Gulf Arab Countries: Field of Confrontation with Terror

Ildar Kh. Minyazhetdinov. "Atypical" terrorism in the ethno-confessional conflict in Iraq (on an example of the terrorist attack in Khan Bani Saad)

Natalia A. Berenkova. Shiite Transnational Movements Features in the Middle Eastern Arab Countries

Aida A. Simoniya. The Issue of Ethno-Confessional Relations in Burmese Society

Vera D. Karateyeva. Chinese Catholics between the Vatican and the Communist Party: A Split Church in the Realm of Unanimity

Ekaterina A. Zavidovskaia. Temple festival in Taiwan: procession devoted to worship of Green mountain ruler Qingshan Wang held in a Taipei temple

Sergius L. Kuzmin. Mechanisms of Elimination of Monarchies in the States of Inner Asia in the First Half of the 20th Century

The Files about the "Unification" of the Churches, 1911-1912: Antioch Trajectory. Composition, preparation and comments by *Aleksei V. Sarabiev*

Issue I (2017)

TO READERS (Preface, by *Aleksei V. SARABIEV*)

Grigory G. Kosach. Saudi Arabia: “Religious State” or “State’s Religion”?

Elena V. Dunaeva. Iran: Islamic Political Identity and Challenge of Modernity

Evgenia S. Yurlova. India. Castes in Politics

Aleksei V. Sarabiev. Interfaith Relation Issues in Syria

Maria A. Pakhomova. Society, Religious Politics and Islam in China

Vladimir V. Orlov. “Big” and “Small” Moroccan Islam Tradition: Problems of Distinction and Socio-Cultural Context

Abdullah Al-Ahmar (Syria). Religious Issues Through the Prism of the Ideology of Arab Socialist Ba’ath Party

В ПРОШЛЫХ ВЫПУСКАХ

Выпуск III (2019)

К читателям, или Нескончаемый разговор об изучении Востока (*Сарабьев А.В.*)

В ПОИСКАХ ОБЩЕГО ЗНАМЕНАТЕЛЯ

К основам методологии изучения традиционных общин Востока (расширенная стенограмма круглого стола, ИВ РАН, 18 декабря 2017 г.)

Алаев Л.Б. А была ли община? (Интервью)

Сарабьев А.В. Межконфессиональные отношения в свете вариантов депривационной теории

ВОСТОК – ЗАПАД

Медведко Л.И. Три круга русского евразийства в дихотомии Востока-Запада

Попов В.В. Евразийская сущность Российской цивилизации

НИТЬ СОБЫТИЙ – КАНВА ИДЕЙ

Салехи М., Масджед-Джаме'и М., Мокри А. Исламо-христианский диалог в современном Иране: проблемный анализ

Миняжетдинов И.Х. Политика Ватикана в современном исламском мире: к вопросу о стратегии экуменизации традиционного ислама

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Кузьмин С.Л. Буддизм и социализм: сравнительный анализ взаимодействий в СССР, ТНР, МНР и КНР

Лепехова Е.С. Религиозный аспект легитимации статуса женщин-императриц на Дальнем Востоке (на примере императриц У-хоу и Кокэн)

EX PRINCÍPIIS / ИЗ ИСТОЧНИКОВ

Ливанское общество глазами маронитского патриарха Булоса II Меуши: два донесения швейцарских послов в Бейруте (Подготовка, перевод, комментарии – *Сарабьев А.В.*)

Для цитирования: *Религия и общество на Востоке*, 2019, Вып. III (Гл. ред. А.В. Сарабьев; Институт востоковедения РАН). – М.: ИВ РАН, 2019. – 374 с. – (ISSN 2542-1530; ISBN 978-5-89282-780-5)

Выпуск II (2018)

К читателям, или Историчность актуальных проблем и актуальность исторической ретроспекции (*Сарабьев А.В.*)

НИТЬ СОБЫТИЙ — КАНВА ИДЕЙ

Демченко А.В. Клань в политической жизни сектора Газа

Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Арабские страны Залива: поле конфронтации с террором

Миняжетдинов И.Х. «Нетипичный» терроризм в этноконфессиональном конфликте в Ираке (на примере ситуации вокруг теракта в г. Хан Бани Саад)

Беренкова Н.А. Особенности шиитских транснациональных движений в арабских странах Ближнего Востока

Симония А.А. К вопросу об этноконфессиональных отношениях в бирманском обществе

Каратеева В.Д. Китайские католики между Ватиканом и коммунистической партией: расколота церковь в царстве единодушия

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Кузьмин С.Л. Механизмы ликвидации монархий в странах Внутренней Азии в первой половине XX века

КРУПНЫМ ПЛАНОМ

Завидовская Е.А. Храмовый праздник на Тайване: процессия по случаю дня рождения Правителя Зеленой горы Циншань-вана в г. Тайбэй

EX PRINCÍPIIS / ИЗ ИСТОЧНИКОВ

Дело об «объединении» Церквей, 1911–1912. Антиохийская траектория. (Составление, подготовка к публикации и комментарии – *А.В. Сарабьев*)

Для цитирования: *Религия и общество на Востоке*, 2018, Вып. II (Гл. ред. А.В. Сарабьев; Институт востоковедения РАН). – М.: ИВ РАН, 2018. – 335 с. – (ISSN 2542-1530; ISBN 978-5-89282-759-1)

Выпуск I (2017)

К читателям (*Сарабьев А.В.*)

РЕЛИГИЯ И ГОСУДАРСТВО

Косач Г.Г. Саудовская Аравия: «религиозное государство» или «государственная религия»

Дунаева Е.В. Иран: исламская политическая идентичность и вызовы современности

Юрлова Е.С. Индия. Касты в политике

Сарабьев А.В. Вопросы межконфессиональных отношений в Сирии

Пахомова М.А. Общество, религиозная политика и ислам в Китае

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Орлов В.В. «Большая» и «малая» традиции в марокканском исламе: проблемы разграничения и социокультурного контекста

EX PRINCÍPIIS / ИЗ ИСТОЧНИКОВ

Аль-Ахмар, Абдалла. Религиозная проблематика сквозь призму идеологии Партии арабского социалистического возрождения = Аль-кадайя ад-динийя мин манзар фикр Хизб аль-баас аль-араби аль-иштираки (*на араб. яз.*)

Для цитирования: *Религия и общество на Востоке*, 2017, Вып. I (Отв. ред. А.В. Сарабьев; Институт востоковедения РАН). – М.: ИВ РАН, 2017. – 290 с. – (ISSN 2542-1530; ISBN 978-5-89282-719-5)

Первые результаты работы созданной в Институте востоковедения РАН в ноябре 2015 г. межотдельской научной лаборатории «Религия и общество на Востоке» составили отдельный одноименный тематический выпуск периодического издания **«Восточная аналитика», 2015, Вып. 3:**

Яковлев А.И. Религия и религиозный фактор в эпоху глобализации

Белокреницкий В.Я. Ислам и исламистский радикализм в Пакистане

Бектимирова Н.Н. Буддийский ренессанс в Камбодже: тенденции и перспективы

Симония А.А. Буддисты Мьянмы становятся влиятельной политической силой

(Выпуск содержал расширенные абстракты и переводы некоторых статей на англ. яз.)

Для цитирования: *Восточная Аналитика*, 2015, Вып. 3: Религия и общество на Востоке / отв. ред. выпуска А.В. Сарабьев; Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2016. – 84 с. – (ISSN 2227-5568; ISBN 978-5-89282-689-1).